

ШКОЛЬНАЯ

БИБЛИОТЕКА

Виктор Драгунский

**ГДЕ ЭТО ВИДАНО,
ГДЕ ЭТО
СЛЫХАНО...**

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПЕЧАТАЮТСЯ БЕЗ СОКРАЩЕНИЙ

Виктор Драгунский

**ГДЕ ЭТО ВИДАНО,
ГДЕ ЭТО
СЛЫХАНО...**

Художник
Аркадий Шер

Недавно мы гуляли во дворе: Алёнка, Мишка и я. Вдруг во двор въехал грузовик. А на нём лежит ёлка. Мы побежали за машиной. Вот она подъехала к домоуправлению, остановилась, и шофёр с нашим дворником стали ёлку выгружать. Они кричали друг на друга:

– Легче! Давай заноси! Правея! Левея! Становь её на попа! Легче, а то весь шпиц обломаешь.

И когда выгрузили, шофёр сказал:

– Теперь надо эту ёлку заактивировать, – и ушёл.

А мы остались возле ёлки.

Она лежала большая, мохнатая и так вкусно пахла морозом, что мы стояли как дураки и улыбались. Потом Алёнка взялась за одну веточку и сказала:

– Смотрите, а на ёлке сыски висят.

«Сыски»! Это она неправильно сказала! Мы с Мишкой так и покатались. Мы смеялись с ним оба одинаково, но потом Мишка стал смеяться громче, чтоб меня пересмеять.

Ну, я немножко поднажал, чтобы он не думал, что я сдаюсь. Мишка держался руками за живот, как будто ему очень больно, и кричал:

– Ой, умру от смеха! Сыски!

А я, конечно, поддавал жару:

– Пять лет девчонке, а говорит «сыски»... Ха-ха-ха!

Потом Мишка упал в обморок и застонал:

– Ах, мне плохо! Сыски...

И стал икать:

– Ик!.. Сыски. Ик! Ик! Умру от смеха! Ик!

Тогда я схватил горсть снега и стал прикладывать его себе ко лбу, как будто у меня началось уже воспаление мозга и я сошёл с ума. Я орал:

– Девчонке пять лет, скоро замуж выдавать! А она – сыски.

У Алёнки нижняя губа скривилась так, что полезла за ухо.

– Я правильно сказала! Это у меня зуб вывалился и свистит. Я хочу сказать «сыски», а у меня высвистывается «сыски»...

Мишка сказал:

– Эка невидаль! У неё зуб вывалился! У меня целых три вывалилось да два шатаются, а я всё равно говорю правильно! Вот слушай: хыхки! Что? Правда, здорово – хыхх-кии! Вот как у меня легко выходит: хыхки! Я даже петь могу:

Ох, хыхечка зелёная,
Боюсь уколюся я.

Но Алёнка как закричит. Одна громче нас двоих:
– Неправильно! Ура! Ты говоришь хыхки, а надо сыски!

А Мишка:

– Именно, что не надо сыски, а надо хыхки.

И оба давай реветь. Только и слышно: «Сыски!» – «Хыхки!» – «Сыски!».

Глядя на них, я так хохотал, что даже проголодался. Я шёл домой и всё время думал: чего они так спорили, раз оба не правы? Ведь это очень простое слово. Я остановился и внятно сказал:

– Никакие не сыски. Никакие не хыхки, а коротко и ясно: фыфки!

Вот и всё!

«ОН ЖИВОЙ И СВЕТИТСЯ...»

Однажды вечером я сидел во дворе, возле песка, и ждал маму. Она, наверно, задерживалась в институте, или в магазине, или, может быть, долго стояла на автобусной остановке. Не знаю. Только все родители нашего двора уже пришли, и все ребята пошли с ними по домам и уже, наверно, пили чай с бубликами и брынзой, а моей мамы всё ещё не было...

И вот уже стали зажигаться в окнах огоньки, и радио заиграло музыку, и в небе задвигались тёмные облака – они были похожи на бородатых стариков...

И мне захотелось есть, а мамы всё не было, и я подумал, что, если бы я знал, что моя мама хочет есть и ждёт меня где-то на краю света, я бы моментально к ней побежал, а не опаздывал бы и не заставлял её сидеть на песке и скучать. И в это время во двор вышел Мишка. Он сказал:

– Здорово!

И я сказал:

– Здорово!

Мишка сел со мной и взял в руки самосвал.

– Ого! – сказал Мишка. – Где достал? А он сам набирает песок? Не сам? А сам сваливает? Да? А ручка? Для чего она? Её можно вертеть? Да? А? Ого! Дашь мне его домой?

Я сказал:

– Нет, не дам. Подарок. Папа подарил перед отъездом.

Мишка надулся и отодвинулся от меня. На дворе стало ещё темнее.

Я смотрел на ворота, чтоб не пропустить, когда придёт мама. Но она всё не шла. Видно, встретила тётю Розу, и они стоят и разговаривают и даже не думают про меня. Я лёг на песок. Тут Мишка говорит:

– Не дашь самосвал?

– Отвяжись, Мишка.

Тогда Мишка говорит:

– Я тебе за него могу дать одну Гватемалу и два Барбадоса!

Я говорю:

– Сравнил Барбадос с самосвалом...

А Мишка:

– Ну, хочешь, я дам тебе плавательный круг?

Я говорю:

– Он у тебя лопнутый.

А Мишка:

– Ты его заклеишь!

Я даже рассердился:

– А плавать где? В ванной? По вторникам?

И Мишка опять надулся. А потом говорит:

– Ну, была не была! Знай мою доброту! На!

И он протянул мне коробочку от спичек. Я взял её в руки.

– Ты открой её, – сказал Мишка, – тогда увидишь!

Я открыл коробочку и сперва ничего не увидел, а потом увидел маленький светло-зелёный огонёк, как будто где-то далеко-далеко от меня горела крошечная звёздочка, и в то же время я сам держал её сейчас в руках.

– Что это, Мишка, – сказал я шёпотом, – что это такое?

– Это светлячок, – сказал Мишка. – Что, хорош? Он живой, не думай.

– Мишка, – сказал я, – бери мой самосвал, хочешь? Навсегда бери, насовсем! А мне отдай эту звёздочку, я её домой возьму...

И Мишка схватил мой самосвал и побежал домой. А я остался со своим светлячком, глядел на него, глядел и никак не мог наглядеться: какой он зелёный, словно в сказке, и как он хоть и близко, на ладони, а светит, словно издалека... И я не мог ровно дышать, и я слышал, как стучит моё сердце, и чуть-чуть кололо в носу, как будто хотелось плакать.

И я долго так сидел, очень долго. И никого не было вокруг. И я забыл про всех на белом свете. Но тут пришла мама, и я очень обрадовался, и мы пошли домой. А когда стали пить чай с бубликами и брынзой, мама спросила:

– Ну, как твой самосвал?

А я сказал:

– Я, мама, променял его.

Мама сказала:

– Интересно! А на что?

Я ответил:

– На светлячка! Вот он, в коробочке живёт. Погаси-ка свет!

И мама погасила свет, и в комнате стало темно, и мы стали вдвоём смотреть на бледно-зелёную звёздочку.

Потом мама зажгла свет.

– Да, – сказала она, – это волшебство! Но всё-таки как ты решился отдать такую ценную вещь, как самосвал, за этого червячка?

– Я так долго ждал тебя, – сказал я, – и мне было так скучно, а этот светлячок, он оказался лучше любого самосвала на свете.

Мама пристально посмотрела на меня и спросила:

– А чем же, чем же именно он лучше?

Я сказал:

– Да как же ты не понимаешь?! Ведь он живой! И светится!..

РАССКАЖИТЕ МНЕ ПРО СИНГАПУР

Мы с папой поехали на воскресенье в гости, к родным. Они жили в маленьком городе под Москвой, и мы на электричке быстро доехали.

Дядя Алексей Михайлович и тётя Мила встретили нас на перроне.

Алексей Михайлович сказал:

– Ого, Дениска-то как возмужал!

А тётя Мила сказала:

– Иди, Денёк, со мной рядом. – И спросила: – Это что за корзинка?

– Здесь пластилин, карандаши и пистолеты...

Тётя Мила засмеялась, и мы пошли через рельсы, мимо станции, и вышли на мягкую дорогу: по бокам дороги стояли деревья. И я быстро разулся и пошёл босиком, и было немного щекотно и колко ступням, так же как и в прошлом году, когда я в первый раз после зимы пошёл босиком. И в это время дорога повернула к берегу, и в воздухе запахло рекой и ещё чем-то сладким, и я стал бегать по траве, и скакать, и кричать: «О-га-га-а!» И тётя Мила сказала:

– Телячий восторг.

Когда мы пришли, было уже темно, и все сели на террасе пить чай, и мне тоже налили большую чашку.

Вдруг Алексей Михайлович сказал папе:

– Знаешь, сегодня в ноль сорок к нам приедет Харитонша. Он у нас пробудет целые сутки, завтра только ночью уедет. Он проездом.

Папа ужасно обрадовался.

– Дениска, – сказал он, – твой двоюродный дядька Харитон Васильевич приедет! Он давно хотел с тобой познакомиться!

Я сказал:

– А почему я его не знаю?

Тётя Мила опять засмеялась.

– Потому что он живёт на Севере, – сказала она, – и редко бывает в Москве.

Я спросил:

– А кто он такой?

Алексей Михайлович поднял палец кверху:

– Капитан дальнего плавания – вот он кто такой.

У меня даже мурашки побежали по спине. Как? Мой двоюродный дядька – капитан дальнего плавания? И я об этом только что узнал? Папа всегда так – про самое главное вспоминает совершенно случайно!

– Что ж ты не говорил мне, папа, что у меня есть дядя, капитан дальнего плавания? Не буду тебе сапоги чистить!

Тётя Мила снова расхохоталась. Я уже давно заметил, что тётя Мила смеётся кстати и некстати. Сейчас она засмеялась некстати. А папа сказал:

– Я тебе говорил ещё в позапрошлом году, когда он приехал из Сингапура, но ты тогда был ещё маленький. И ты, наверно, забыл. Но ничего, ложись-ка спать, завтра ты с ним увидишься!

Тут тётя Мила взяла меня за руку и повела с террасы в дом, и мы прошли через маленькую комнатку в другую, такую же. Там в углу приткнулась узенькая тахтюшка. А около окна стояла большая цветастая ширма.

– Вот здесь и ложись, – сказала тётя Мила. – Раздевайся! А корзинку с пистолетами я поставлю в ногах.

Я сказал:

– А папа где будет спать?

Она сказала:

– Скорее всего, на террасе. Ты знаешь, как твой папа любит свежий воздух. А что? Ты будешь бояться?

Я сказал:

– И нисколько.

Разделся и лёг.

Тётя Мила сказала:

– Спи спокойно, мы тут, рядом.

И ушла.

А я улёгся на тахтюшке и укрылся большим клетчатым платком. Я лежал и слышал, как тихо разговаривают на террасе и смеются, и я хотел спать, но всё время думал про своего капитана дальнего плавания.

Интересно, какая у него борода? Неужели растёт прямо из шеи, как я видел на картинке? А трубка какая? Кривая или прямая? А кортик – именной или простой? Капитанов дальнего плавания часто награждают именными кортиками за проявленную смелость. Конечно, ведь они во время своих рейсов каждый день насакакивают на айсберги, или встречают огромных китов и белых медведей, или спасают

людей с терпящих бедствие кораблей. Ясно, что тут надо проявлять смелость, иначе сам пропадёшь со всеми матросами вместе и корабль погубишь. А если такой корабль, как атомный ледокол

«Ленин», – погубить жалко небось, да? А вообще-то говоря, капитаны дальнего плавания не обязательно ездят только на Север, есть такие, которые в Африке бывают, и у них на корабле живут обезьянки и мангусты, которые уничтожают змей, я про это читал в книжке. Вот мой капитан дальнего плавания – он в позапрошлом году приехал из Сингапура. Удивительное слово какое: Сингапур!.. Я обязательно попрошу дядю рассказать мне про Сингапур: какие там люди, какие там дети, какие лодки и паруса... Обязательно попрошу рассказать. И я так долго думал, и незаметно уснул...

А в середине ночи я проснулся от страшного рычания. Это, наверно, какая-то собака забралась в комнату, учуяла, что я здесь сплю, и это ей не понравилось. Она рычала страшным образом, откуда-то из-под ширмы, и мне казалось, что я в темноте вижу её наморщенный нос и оскаленные белые зубы. Я хотел позвать папу, но вспомнил, что он спит далеко, на террасе, и я подумал, что я никогда ещё не боялся собак и теперь нечего трусить. Всё-таки мне уже скоро восемь.

Я крикнул:

– Тубо! Спать!

И собака сразу замолчала.

Я лежал в темноте с открытыми глазами. В окошко ничего не было видно, только чуть виднелась одна ветка. Она была похожа на верблюда, как будто он стоит на задних лапах и служит. Я поставил одеяло козырьком перед глазами, чтобы не видеть верблюда, и стал повторять таблицу умножения на семь, от этого я всегда быстро засыпаю. И верно: не успел я дойти до семью семь, как у меня в голове всё закачалось, и я почти уснул, но в это время в

углу за ширмой собака, которая, наверно, тоже не спала, опять зарычала. Да как! В сто раз страшнее, чем в первый раз. У меня даже внутри что-то ёкнуло. Но я всё-таки закричал на неё:

– Туба! Лежать! Спать сейчас же!..

Она опять чуточку притихла. А я вспомнил, что моя дорожная корзинка стоит у меня в ногах и что там, кроме моих вещей, лежит ещё пакет с едой, который мама положила мне на дорогу. И я подумал, что если эту собаку немножко прикормить, то она, может быть, пойдёт и перестанет на меня рычать. И я сел, стал рыться в корзинке, и хотя в темноте трудно было разобраться, но я всё-таки вытащил оттуда котлету и два яйца – мне как раз не было их жалко, потому что они были сварены всмятку. И как только собака опять зарычала, я кинул ей за ширму одно за другим оба яйца:

– Тубо! Есть! И сразу спать!..

Она сначала помолчала, а потом зарычала так свирепо, что я понял: она тоже не любит яйца всмятку. Тогда я метнул в неё котлету. Было слышно, как котлета шлепнулась об неё, собака гамкнула и перестала рычать.

Я сказал:

– Ну вот. А теперь – спать! Сейчас же!

Собака уже не рычала, а только сопела. Я укрылся плотнее и уснул...

Утром я вскочил от яркого солнца и побежал в одних трусиках на террасу. Папа, Алексей Михайлович и тётя Мила сидели за столом. На столе была белая скатерть и полная тарелка красной редиски, и это было очень красиво, и все были такие умытые, свежие, что мне сразу стало весело, и я побежал во двор умываться. Умывальник висел с другой стороны дома, где не было солнца, там было холодно, и кора у дерева была прохладная, и из умывальника лилась студёная вода, она была голубого цвета, и я там долго плескался, и совсем озяб, и побежал завтракать. Я

сел за стол и стал хрустеть редиской, и заедать её чёрным хлебом, и солить, и славно мне было – так и хрустел бы целый день. Но потом я вдруг вспомнил самое главное!

Я сказал:

– А где же капитан дальнего плавания?! Неужели вы меня обманули!

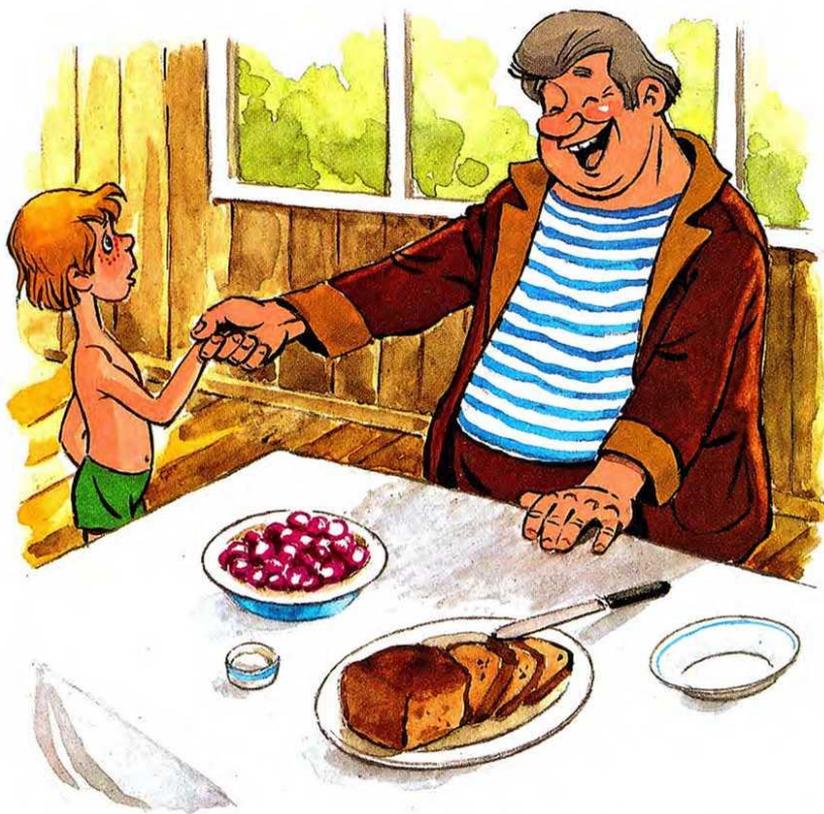
Тётя Мила рассмеялась, а Алексей Михайлович сказал:

– Эх, ты! Всю ночь проспал с ним рядом и не заметил... Ну ладно, сейчас я его приведу, а то он проспал весь день. Устал с дороги.

Но в это время на террасу вышел высоченный человек с красным лицом и зелёными глазами. Он был в пижаме. Никакой бороды на нём не было. Он подошёл к столу и сказал ужасным басом:

– Доброе утро! А это кто? Неужели Денис?

У него было столько голоса, что я даже удивился, где он у него помещается.

Папа сказал:

– Да, эти сто граммов веснушек – вот это и есть Денис, только и всего. Познакомьтесь. Денис, вот твой долгожданный капитан!

Я сразу встал. Капитан сказал:

– Здорово!

И протянул мне руку. Она была твёрдая, как доска.

Капитан был очень симпатичный. Но уж очень страшный был у него голос. И потом, где же кортик? Пижама какая-то. Ну, а трубка где? Всё равно уж – прямая или кривая, ну хоть какая-нибудь! Не было никакой...

– Как спал, Харитоша? – спросила тётя Мила.

– Плохо! – сказал капитан. – Не знаю, в чём дело. Всю ночь на меня кто-то кричал. Только, понимаете ли, начну засыпать, как кто-то кричит: «Спать! Спать сейчас же!» А я от этого только просыпаюсь! Потом усталость берёт своё, всё-таки пять дней в пути, глаза слипаются, я опять начинаю дремать, проваливаюсь, понимаете ли, в сон, опять крик: «Спать! Лежать!» А в довершение всей этой чертовщины на меня стали падать откуда-то разные продукты – яйца, что ли... По-моему, я во сне слышал запах котлет. И ещё всё мне сквозь сон слышались какие-то непонятные слова: не то «куш», не то «апорт...»

– «Тубо», – сказал я. – «Тубо», а не «апорт». Потому что я думал – там собака... Кто-то так рычал!

– Я не рычал. Я, наверно, храпел?

Это было ужасно. Я понял, что он никогда не подружится со мной. Я встал и вытянул руки по швам. Я сказал:

– Товарищ капитан! Было очень похоже на рычание. И я, наверно, немножко испугался.

Капитан сказал:

– Вольно. Садись. .

Я сел за стол и почувствовал, что у меня в глазах как будто песку насыпано, колет, и я не могу смотреть на капитана. Мы все долго молчали.

Потом он сказал:

– Имей в виду, я совершенно не сержусь.

Но я всё-таки не мог на него посмотреть.

Тогда он сказал:

– Клянусь своим именованным кортиком.

Он сказал это таким весёлым голосом, что у меня сразу словно камень упал с души.

Я подошёл к капитану и сказал:

– Дядя, расскажите мне про Сингапур.

ЧТО Я ЛЮБЛЮ

Я очень люблю лечь животом на папино колено, опустить руки и ноги и вот так висеть на колене, как бельё на заборе. Ещё я очень люблю играть в шашки, шахматы и домино, только чтобы обязательно выигрывать. Если не выигрывать, тогда не надо.

Я люблю слушать, как жук копается в коробочке. И люблю в выходной день утром залезать к папе в кровать, чтобы поговорить с ним о собаке: как мы будем жить просторней, и купим собаку, и будем с ней заниматься, и будем её кормить, и какая она будет потешная и умная, и как она будет воровать сахар, а я буду за нею сам вытирать лужицы, и она будет ходить за мной, как верный пёс.

Я люблю также смотреть телевизор: всё равно, что показывают, пусть даже только одни таблицы.

Я люблю дышать носом маме в ушко. Особенно я люблю петь и всегда пою очень громко.

Ужасно люблю рассказы про красных кавалеристов, и чтобы они всегда побеждали.

Люблю стоять перед зеркалом и гримасничать, как будто я Петрушка из кукольного театра. Шпроты я тоже очень люблю.

Люблю читать сказки про Канчиля. Это такая маленькая, умная и озорная лань. У неё весёлые глазки, и ма-

ленькие рожки, и розовые отполированные копытца. Когда мы будем жить просторней, мы купим себе Канчиля, она будет жить в ванной. Ещё я люблю плавать там, где мелко, чтобы можно было держаться руками за песчаное дно.

Я люблю на демонстрациях махать красным флажком и дудеть в «уйди-уйди!».

Очень люблю звонить по телефону.

Я люблю строгать, пилить, я умею лепить головы древних воинов и бизонов, и я слепил глухаря и царь-пушку. Все это я люблю дарить.

Когда я читаю, я люблю грызть сухарь или ещё что-нибудь.

Я люблю гостей.

Ещё очень люблю ужей, ящериц и лягушек. Они такие ловкие. Я ношу их в карманах. Я люблю, чтобы ужик лежал на столе, когда я обедаю.

Люблю, когда бабушка кричит про лягушонка: «Уберите эту гадость!» – и убегает из комнаты.

Я люблю посмеяться... Иногда мне нисколько не хочется смеяться, но я себя заставляю, выдавливаю из себя смех – смотришь, через пять минут и вправду становится смешно.

Когда у меня хорошее настроение, я люблю скакать. Однажды мы с папой пошли в зоопарк, и я скакал вокруг него на улице, и он спросил:

– Ты что скачешь?

А я сказал:

– Я скачу, что ты мой папа!

Он понял!

Я люблю ходить в зоопарк! Там чудесные слоны. И есть один слонёнок. Когда мы будем жить просторней, мы купим слонёнка. Я выстрою ему гараж.

Я очень люблю стоять позади автомобиля, когда он фырчит, и нюхать бензин.

Люблю ходить в кафе – есть мороженое и запивать его газированной водой. От неё колет в носу и слёзы выступают на глазах.

Когда я бегаю по коридору, то люблю изо всех сил топтать ногами.

Очень люблю лошадей, у них такие красивые и добрые лица.

Я много чего люблю!

... И ЧЕГО НЕ ЛЮБЛЮ!

Чего не люблю, так это лечить зубы. Как увижу зубное кресло, сразу хочется убежать на край света. Ещё не люблю, когда приходят гости, вставать на стул и читать стихи.

Не люблю, когда папа с мамой уходят в театр.

Терпеть не могу яйца всмятку, когда их взбалтывают в стакане, крошат туда хлеба и заставляют есть.

Ещё не люблю, когда мама идёт со мной погулять и вдруг встречает тётю Розу!

Они тогда разговаривают только друг с дружкой, а я просто не знаю, чем бы заняться.

Не люблю ходить в новом костюме – я в нём как деревянный.

Когда мы играем в красных и белых, я не люблю быть белым. Тогда я выхожу из игры, и всё! А когда я бываю красным, не люблю попадать в плен. Я всё равно убегаю.

Не люблю, когда у меня выигрывают.

Не люблю, когда день рождения, играть в «каравай»: я не маленький.

Не люблю, когда ребята задаются.

И очень не люблю, когда порежусь, вдобавок – мазать палец йодом.

Я не люблю, что у нас в коридоре тесно и взрослые каждую минуту снуют туда-сюда, кто со сковородкой, кто с чайником, и кричат:

– Дети, не вертитесь под ногами! Осторожно, у меня горячая кастрюля!

А когда я ложусь спать, не люблю, чтобы в соседней комнате пели хором:

Ландыши, ландыши...

Очень не люблю, что по радио мальчишки и девчонки говорят старушечьими голосами!..

ТАЙНОЕ СТАНОВИТСЯ ЯВНЫМ

Я услышал, как мама сказала кому-то в коридоре:

– ...Тайное всегда становится явным.

И когда она вошла в комнату, я спросил:

– Что это значит, мама: «Тайное становится явным»?

– А это значит, что если кто поступает нечестно, всё равно про него это узнают, и будет ему стыдно, и он понесёт наказание, – сказала мама. – Понял?.. Ложись-ка спать!

Я почистил зубы, лёг спать, но не спал, а всё время думал: как же так получается, что тайное становится явным? И я долго не спал, а когда проснулся, было утро, папа был уже на работе, и мы с мамой были одни. Я опять почистил зубы и стал завтракать.

Сначала я съел яйцо. Это ещё терпимо, потому что я выел один желток, а белок раскромсал со скорлупой так, чтобы его не было видно. Но потом мама принесла целую тарелку манной каши.

– Ешь! – сказала мама. – Безо всяких разговоров!

Я сказал:

– Видеть не могу манную кашу!

Но мама закричала:

– Посмотри, на кого ты стал похож! Вылитый Кощей!
Ешь. Ты должен поправиться.

Я сказал:

– Я ею давлюсь!..

Тогда мама села со мной рядом, обняла меня за плечи и ласково спросила:

– Хочешь, пойдём с тобой в Кремль?

Ну ещё бы... Я не знаю ничего красивее Кремля. Я там был в Грановитой палате и в Оружейной, стоял возле Царь-пушки и знаю, где сидел Иван Грозный. И ещё там очень много интересного. Поэтому я быстро ответил маме:

– Конечно, хочу в Кремль! Даже очень!

Тогда мама улыбнулась:

– Ну вот, съешь всю кашу, и пойдём. А я пока посуду вымою. Только помни – ты должен съесть всё до дна!

И мама ушла на кухню.

А я остался с кашей наедине. Я пошлёпал её ложкой. Потом посолил. Попробовал – ну, невозможно есть! Тогда я подумал, что, может быть, сахару не хватает? Посыпал песку, попробовал... Ещё хуже стало. Я не люблю кашу, я же говорю.

А она к тому же была очень густая. Если бы она была жидкая, тогда другое дело, я бы зажмурился и выпил её. Тут я взял и долил в кашу кипятку. Всё равно было скользко, липко и противно. Главное, когда я глотаю, у меня горло само сжимается и выталкивает эту кашу об-

ратно. Ужасно обидно! Ведь в Кремль-то хочется! И тут я вспомнил, что у нас есть хрен. С хреном, кажется, почти всё можно съесть! Я взял и вылил в кашу всю баночку, а когда немножко попробовал, у меня сразу глаза на лоб полезли и остановилось дыхание, и я, наверно, потерял сознание, потому что взял тарелку, быстро подбежал к окну и выплеснул кашу на улицу. Потом сразу вернулся и сел за стол.

В это время вошла мама. Она посмотрела на тарелку и обрадовалась:

– Ну что за Дениска, что за парень-молодец! Съел всю кашу до дна! Ну, вставай, одевайся, рабочий народ, идём на прогулку в Кремль! – И она меня поцеловала.

В эту же минуту дверь открылась, и в комнату вошёл милиционер. Он сказал:

– Здравствуйте! – и подошёл к окну, и поглядел вниз. – А ещё интеллигентный человек.

– Что вам нужно? – строго спросила мама.

– Как не стыдно! – Милиционер даже стал по стойке «смирно». – Государство предоставляет вам новое жильё со всеми удобствами и, между прочим, с мусоропроводом, а вы выливаете разную гадость за окно!

– Не клеветайте. Ничего я не выливаю!

– Ах, не выливаете?! – язвительно рассмеялся милиционер. И, открыв дверь в коридор, крикнул: – Пострадавший!

И к нам вошёл какой-то дяденька.

Я как на него взглянул, так сразу понял, что в Кремль я не пойду.

На голове у этого дяденьки была шляпа. А на шляпе наша каша. Она лежала почти в середине шляпы, в ямочке, и немножко по краям, где лента, и немножко за воротником, и на плечах, и на левой брючине. Он как вошёл, сразу стал заикаться:

– Главное, я иду фотографироваться... И вдруг такая

история... Каша... мм... манная... Горячая, между прочим, сквозь шляпу и то... жжёт... Как же я пошлю своё... фф... фото, когда я весь в каше?!

Тут мама посмотрела на меня, и глаза у неё стали зелёные, как крыжовник, а уж это верная примета, что мама ужасно рассердилась.

– Извините, пожалуйста, – сказала она тихо, – разрешите, я вас почищу, пройдите сюда!

И они все трое вышли в коридор. А когда мама вернулась, мне даже страшно было на неё взглянуть. Но я себя пересилил, подошёл к ней и сказал:

– Да, мама, ты вчера сказала правильно. Тайное всегда становится явным!

Мама посмотрела мне в глаза. Она смотрела долго-долго и потом спросила:

– Ты это запомнил на всю жизнь?

И я ответил:

– Да.

ГЛАВНЫЕ РЕКИ

Хотя мне уже идет девятый год, я только вчера догадался, что уроки всё-таки надо учить. Любишь не любишь, хочешь не хочешь, лень тебе или не лень, а учить уроки надо. Это закон. А то можно в такую историю вляпаться, что своих не узнаешь. Я, например, вчера не успел уроки сделать. У нас было задано выучить кусочек из одного стихотворения Некрасова и главные реки Америки. А я, вместо того чтобы учиться, запускал во дворе змея в космос. Ну, он в космос всё-таки не залетел, потому что у него был чересчур лёгкий хвост, и он из-за этого крутился, как волчок. Это раз. А во-вторых, у меня было мало ниток, и я весь дом обыскал и собрал все нитки, какие только были; у мамы со швейной машины снял, и то оказалось мало. Змей долетел до чердака и там завис, а до космоса ещё было далеко.

И я так завозился с этим змеем и космосом, что совершенно позабыл обо всём на свете. Мне было так интересно играть, что я и думать перестал про какие-то там уроки. Совершенно вылетело из головы. А оказалось, никак нельзя было забывать про свои дела, потому что получился позор.

Я утром немножко заспался, и, когда вскочил, времени оставалось чуть-чуть... Но я читал, как ловко одеваются пожарные, – у них нет ни одного лишнего движения, и мне до того это понравилось, что я пол-лета тренировался быстро одеваться. И сегодня я как вскочил и глянул на часы, то сразу понял, что одеваться надо, как на пожар. И я оделся за одну минуту сорок восемь секунд весь, как следует, только шнурки зашнуровал через две дырочки. В общем, в школу я поспел вовремя и в класс тоже успел примчаться за секунду до Раисы Ивановны. То есть она шла себе потихоньку по коридору, а я бежал из раздевалки (ребят уже не было никого). Когда я увидел Раису Ивановну издалека, я припустился во всю прыть и, не доходя до класса каких-нибудь пять шагов, обошёл Раису Ивановну и вскочил в класс. В общем, я выиграл у неё секунды полторы, и, когда она вошла, книги мои были уже в парте, а сам я сидел с Мишкой как ни в чём не бывало. Раиса Ивановна вошла, мы встали и поздоровались с ней, и громче всех поздоровался я, чтобы она видела, какой я вежливый. Но она на это не обратила никакого внимания и ещё на ходу сказала:

– Кораблёв, к доске!

У меня сразу испортилось настроение, потому что я вспомнил, что забыл приготовить уроки. И мне ужасно не хотелось вылезать из-за своей родимой парты. Я прямо к ней как будто приклеился. Но Раиса Ивановна стала меня торопить:

– Кораблёв! Что же ты? Я тебя зову или нет?

И я пошёл к доске.

Раиса Ивановна сказала:

– Стихи!

Чтобы я читал стихи, какие заданы. А я их не знал. Я даже плохо знал, какие заданы-то. Поэтому я моментально подумал, что Раиса Ивановна тоже, может быть, забыла, что задано, и не заметит, что я читаю. И я бодро завёл:

Зима!.. Крестьянин, торжествуя,

На дровнях обновляет путь:

Его лошадка, снег почуя,

Плетётся рысью как-нибудь...

– Это Пушкин, – сказала Раиса Ивановна.

– Да, – сказал я, – это Пушкин. Александр Сергеевич.

– А я что задала? – сказала она.

– Да! – сказал я.

– Что «да»? Что я задала, я тебя спрашиваю? Кораблёв!

– Что? – сказал я.

– Что «что»? Я тебя спрашиваю: что я задала?

Тут Мишка сделал наивное лицо и сказал:

– Да что он, не знает, что ли, что вы Некрасова задали?

Это он не понял вопроса, Раиса Ивановна.

Вот что значит верный друг. Это Мишка таким хитрым способом ухитрился мне подсказать. А Раиса Ивановна уже рассердилась:

– Слонов! Не смей подсказывать!

– Да! – сказал я. – Ты чего, Мишка, лезешь? Без тебя, что ли, не знаю, что Раиса Ивановна задала Некрасова! Это я задумался, а ты тут лезешь, сбиваешь только.

Мишка стал красный и отвернулся от меня. А я опять остался один на один с Раисой Ивановной.

– Ну? – сказала она.

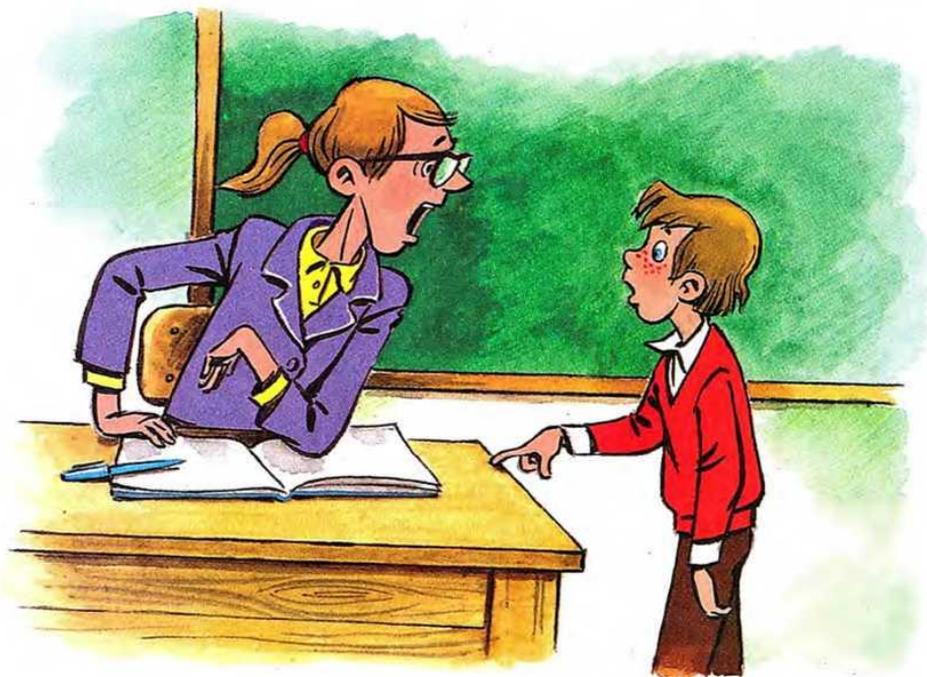
– Что? – сказал я.

– Перестань ежеминутно чтокать!

Я уже видел, что она сейчас рассердится как следует.

– Читай. Наизусть!

– Что? – сказал я.

– Стихи, конечно! – сказала она.

– Ага, понял. Стихи, значит, читать? – сказал я. – Это можно. – И громко начал: – Стихи Некрасова. Поэта. Великого поэта.

– Ну! – сказала Раиса Ивановна.

– Что? – сказал я.

– Читай сейчас же! – закричала бедная Раиса Ивановна. – Сейчас же читай, тебе говорят! Заглавие!

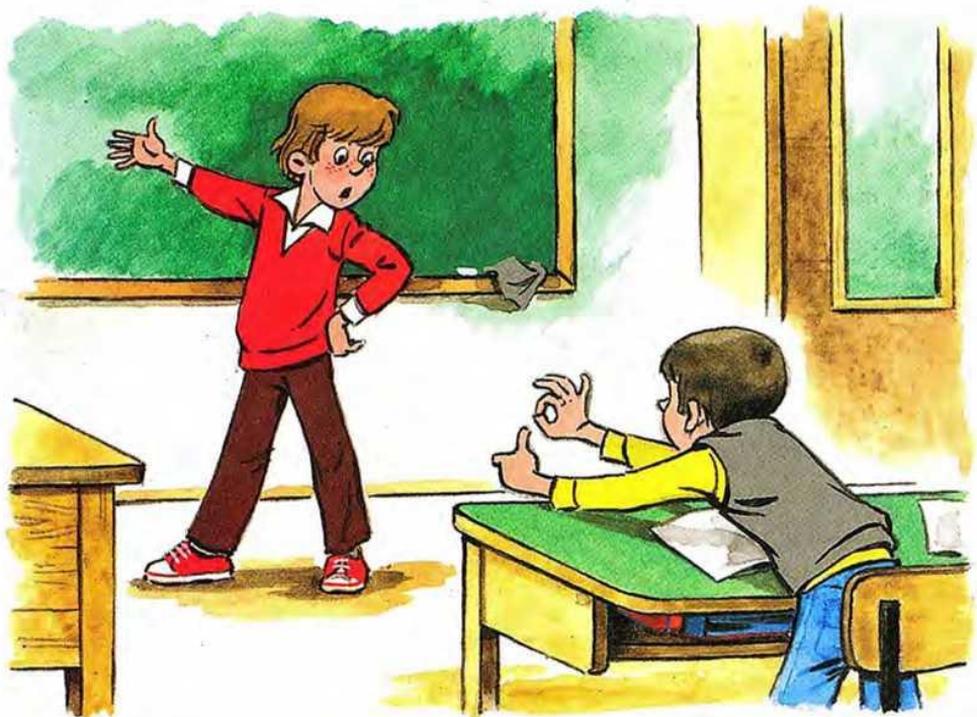
Пока она кричала, Мишка успел мне подсказать первое слово. Он шепнул. Не разжимая рта, но я его прекрасно понял. Поэтому я смело выдвинул ногу вперёд и продекламировал:

– Мужичонка!

Все замолчали, и Раиса Ивановна тоже. Она внимательно смотрела на меня, а я смотрел на Мишку ещё внимательнее. Мишка показывал на свой большой палец и зачем-то щёлкал его по ногтю.

И я как-то сразу вспомнил заглавие и сказал:

– С ноготком! – И повторил всё вместе: – Мужичонка с ноготком!

Все засмеялись. Раиса Ивановна сказала:

– Довольно, Кораблёв!.. Не старайся, не выйдет. Уж если не знаешь, не срамись.

Потом она добавила:

– Ну, а как насчёт кругозора? Помнишь, мы вчера сговорились всем классом, что будем читать и сверх программы интересные книжки? Вчера вы решили выучить названия всех рек Америки. Ты выучил?

Конечно, я не выучил. Этот змей, будь он неладен, совсем мне всю жизнь испортил. И я хотел во всём признаться Раисе Ивановне, но вместо этого вдруг неожиданно даже для самого себя сказал:

– Конечно, выучил. А как же!

– Ну вот, исправь это ужасное впечатление, которое ты произвёл чтением стихов Некрасова. Назови мне самую большую реку Америки, и я тебя отпущу.

Вот когда мне стало худо. Даже живот заболел, честное слово. В классе была удивительная тишина. Все смотрели на меня. А я смотрел в потолок. И думал, что сейчас уже

наверняка я умру. До свидания, все! И в эту секунду я увидел, что в левом последнем ряду Петька Горбушкин показывает мне какую-то длинную газетную ленту, и на ней что-то намалёвано чернилами, толсто намалёвано, наверное, он пальцем писал. И я стал вглядываться в эти буквы и наконец прочёл первую половину.

А тут Раиса Ивановна снова:

– Ну, Кораблёв? Какая же главная река в Америке?

У меня сразу же появилась уверенность, и я сказал:

– Миси-писи.

Дальше я не буду рассказывать. Хватит. И хотя Раиса Ивановна смеялась до слёз, но двойку она мне вlepила будь здоров. И я теперь дал клятву, что буду учить уроки всегда. До глубокой старости.

КРАСНЫЙ ШАРИК В СИНЕМ НЕБЕ

Вдруг наша дверь распахнулась, и Алёнка закричала из коридора:

– В большом магазине весенний базар!

Она ужасно громко кричала, и глаза у неё были круглые, как кнопки, и отчаянные. Я сначала подумал, что кого-нибудь зарезали. А она снова набрала воздух и давай:

– Бежим, Дениска! Скорее! Там квас шипучий! Музыка играет, и разные куклы! Бежим!

Кричит, как будто случился пожар. И я от этого тоже как-то заволновался, и у меня стало щекотно под ложечкой, и я заторопился и выскочил из комнаты.

Мы взялись с Алёнкой за руки и побежали как сумасшедшие в большой магазин. Там была целая толпа народу и в самой середине стояли сделанные из чего-то блестящего мужчина и женщина, огромные, под потолок, и, хотя они были ненастоящие, они хлопали глазами и шевелили нижними губами, как будто говорят. Мужчина кричал:

– Весенний базарrrr! Весенний базарrrr!

А женщина:

– Добро пожаловать! Добро пожаловать!

Мы долго на них смотрели, а потом Алёнка говорит:

– Как же они кричат? Ведь они ненастоящие!

– Просто непонятно, – сказал я.

Тогда Алёнка сказала:

– А я знаю. Это не они кричат! Это у них в середине живые артисты сидят и кричат себе целый день. А сами за верёвочку дёргают, и у кукол от этого шевелятся губы.

Я прямо расхохотался:

– Вот и видно, что ты ещё маленькая. Станут тебе артисты в животе у кукол сидеть целый день. Представляешь? Целый день скрючившись – устанешь небось! А есть, пить надо? И ещё разное, мало ли что... Эх ты, темнота! Это радио в них кричит.

Алёнка сказала:

– Ну и не задавайся!

И мы пошли дальше. Всюду было очень много народу, все разодетые и весёлые, и музыка играла, и один дядька крутил лотерею и кричал:

Подходите сюда поскорее,
Здесь билеты вещевой лотереи!
Каждому выиграть недолго
Легковую автомашину «Волга»!
А некоторые сгоряча
Выигрывают «Москвича»!

И мы возле него тоже посмеялись, как он бойко выкрикивает, и Алёнка сказала:

– Всё-таки когда живое кричит, то интересней, чем радио.

И мы долго бегали в толпе между взрослых и очень веселились, и какой-то военный дядька подхватил Алёнку под мышки, а его товарищ нажал кнопку в стене, и оттуда вдруг забрызгал одеколон, и когда Алёнку поставили на пол, она вся пахла леденцами, а дядька сказал:

– Ну что за красотулечка, сил моих нет!

Но Алёнка от них убежала, а я – за ней, и мы наконец очутились возле кваса. У меня были деньги на завтрак, и мы поэтому с Алёнкой выпили по две большие кружки, и у Алёнки живот сразу стал как футбольный мяч, а у меня всё время шибало в нос и кололо в носу иголочками. Здорово, прямо первый сорт, и когда мы снова побежали, то я услышал, как квас во мне булькает. И мы захотели домой и выбежали на улицу. Там было ещё веселей, и у самого входа стояла женщина и продавала воздушные шарик.

Алёнка как только увидела эту женщину, остановилась как вкопанная. Она сказала:

– Ой! Я хочу шарик!

А я сказал:

– Хорошо бы, да денег нету.

А Алёнка:

– У меня есть одна денежка.

– Покажи.

Она достала из кармана.

Я сказал:

– Ого! Десять копеек. Тётяшка, дайте ей шарик!

Продавщица улыбнулась:

– Вам какой? Красный, синий, голубой?

Алёнка взяла красный. И мы пошли. И вдруг Алёнка говорит:

– Хочешь поносить?

И протянула мне ниточку. Я взял. И сразу как взял, так услышал, что шарик тоненько-тоненько потянул за ниточку! Ему, наверно, хотелось улететь. Тогда я немножко отпустил ниточку и опять услышал, как он настойчиво так потягивается из рук, как будто очень просится улететь. И мне вдруг стало его как-то жалко, что вот он может летать, а я его держу на привязи, и я взял и выпустил его. И шарик сначала даже не отлетел от меня, как будто не поверил, а потом почувствовал, что это вправду, и сразу рванулся и взлетел выше фонаря.

Алёнка за голову схватилась:

— Ой, зачем, держи!..

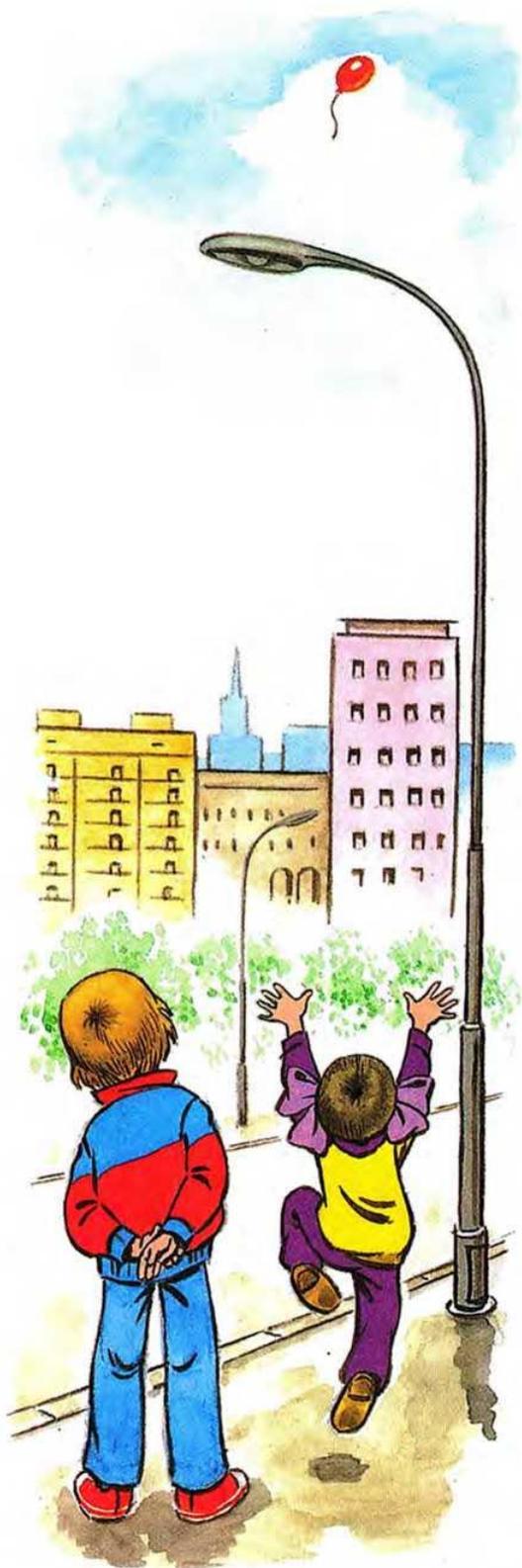
И стала подпрыгивать, как будто могла допрыгнуть до шарика, но увидела, что не может, и заплакала:

— Зачем ты его упустил?..

Но я ей ничего не ответил. Я смотрел вверх на шарик. Он летел кверху плавно и спокойно, как будто этого и хотел всю жизнь.

И я стоял, задрал голову, и смотрел, и Алёнка тоже, и многие взрослые остановились и тоже позадирали головы — посмотреть, как летит шарик, а он всё летел и уменьшался.

Вот он пролетел последний этаж большого дома, и кто-то высунулся из окна и махал ему вслед, а он ещё выше и немножко вбок, выше антенн и голубей, и стал совсем маленький... У меня что-то в ушах звенело, когда он летел, а он уже почти исчез. Он залетел за об-

лачко, оно было пушистое и маленькое, как крольчонок, потом снова вынырнул, пропал и совсем скрылся из виду и теперь уже, наверно, был около Луны, а мы всё смотрели вверх, и в глазах у меня замелькали какие-то хвостатые точки и узоры. И шарика уже не было нигде. И тут Алёнка вздохнула еле слышно, и все пошли по своим делам.

И мы тоже пошли, и молчали, и всю дорогу я думал, как это красиво, когда весна на дворе, и все нарядные и весёлые, и машины туда-сюда, и милиционер в белых перчатках, а в чистое, синее-синее небо улетает от нас красный шарик. И ещё я думал, как жалко, что я не могу это всё рассказать . Алёнке. Я не сумею словами, и если бы сумел, всё равно Алёнке бы это было непонятно, она ведь маленькая. Вот она идёт рядом со мной, и вся такая притихшая, и слёзы ещё не совсем просохли у неё на щеках. Ей небось жаль свой шарик.

И мы шли так с Алёнкой до самого дома и молчали, а возле наших ворот, когда стали прощаться, Алёнка сказала:

– Если бы у меня были деньги, я бы купила ещё один шарик... чтобы ты его выпустил.

ШЛЯПА ГРОССМЕЙСТЕРА

В то утро я быстро справился с уроками, потому что они были нетрудные. Во-первых, я нарисовал домик Бабы Яги, как она сидит у окошка и читает газету. А во-вторых, я сочинил предложение: «Мы построили салаш». А больше ничего не было задано. И я надел пальто, взял горбушечку свежего хлеба и пошёл гулять. На нашем бульваре в середине есть пруд, а в пруду плавают лебеди, гуси и утки.

В этот день был очень сильный ветер. И все листья на деревьях выворачивались наизнанку, и пруд был весь взлохмаченный, какой-то шершавый от ветра.

И как только я пришёл на бульвар, я увидел, что сегодня почти никого нет, только двое каких-то незнакомых ребят бегают по дорожке, а на скамейке сидит дяденька и сам с собой играет в шахматы. Он сидит на скамейке бокком, а позади него лежит его шляпа.

И в это время ветер вдруг задул особенно сильно, и эта самая дяденькина шляпа взвилась в воздух. А шахматист ничего не заметил, сидит себе, уткнулся в свои шахматы. Он, наверно, очень увлёкся и забыл про всё на свете. Я тоже, когда играю с папой в шахматы, ничего вокруг себя не вижу, потому что очень хочется выиграть. И вот эта шляпа взлетела, и плавно так начала опускаться, и опустилась как раз перед теми незнакомыми ребятами, что играли на дорожке. Они оба разом протянули к ней руки. Но не тут-то было, потому что ветер! Шляпа вдруг как живая подпрыгнула вверх, перелетела через этих ребят и красиво спланировала прямо в пруд! Но упала она не в воду, а нахлобучилась одному лебедю прямо на голову. Утки очень испугались, и гуси тоже. Они бросились врассыпную от шляпы кто куда. А вот лебеди, наоборот, очень заинтересовались, что это за штука такая получилась, и все подплыли к этому лебедю в шляпе. А он изо всех сил мотал головой, чтобы сбросить шляпу, но она никак не слетала, и все лебеди глядели на эти чудеса и, наверно, очень удивлялись.

Тогда эти незнакомые ребята на берегу стали приманивать лебедей к себе. Они свистели:

– Фью-фью-фью!

Как будто лебедь – это собака!

Я сказал:

– Сейчас я их приманю хлебом, а вы притащите сюда какую-нибудь палку подлиннее. Надо всё-таки отдать шляпу тому шахматисту. Может быть, он гроссмейстер...

И я вытащил свой хлеб из кармана и стал его крошить и бросать в воду, и, сколько было лебедей, и гусей, и уток,

все поплыли ко мне. И у самого берега началась настоящая давка и толкотня. Просто птичий базар! И лебедь в шляпе тоже толкался и наклонял голову за хлебом, и шляпа с него, наконец, соскочила!

Она стала плавать довольно близко. Тут подоспели незнакомые ребята. Они где-то раздобыли здоровенный шест, а на конце шеста был гвоздь. И ребята сразу стали удить эту шляпу. Но немножко не доставали. Тогда они взялись за руки, и у них получилась цепочка, и тот, который был с шестом, стал подлавливать шляпу. Я ему говорю:

– Ты старайся её гвоздём в самую серёдку проткнуть! И подсекай, как ерша, знаешь?

А он говорит:

– Я, пожалуй, сейчас бухнусь в пруд, потому что меня слабо держат.

Я ему говорю:

– Давай-ка я!

– Валяй! А то я обязательно бухнусь!

– Держите меня оба за хлястик!

Они стали меня держать. А я взял шест двумя руками, весь вытянулся вперёд, да как размахнулся, да как шлёпнусь прямо лицом вперёд! Хорошо ещё, не сильно ушибся, там была мягкая грязь, так что получилось не больно.

Я говорю:

– Что же вы плохо держите? Не умеете держать – не беритесь!

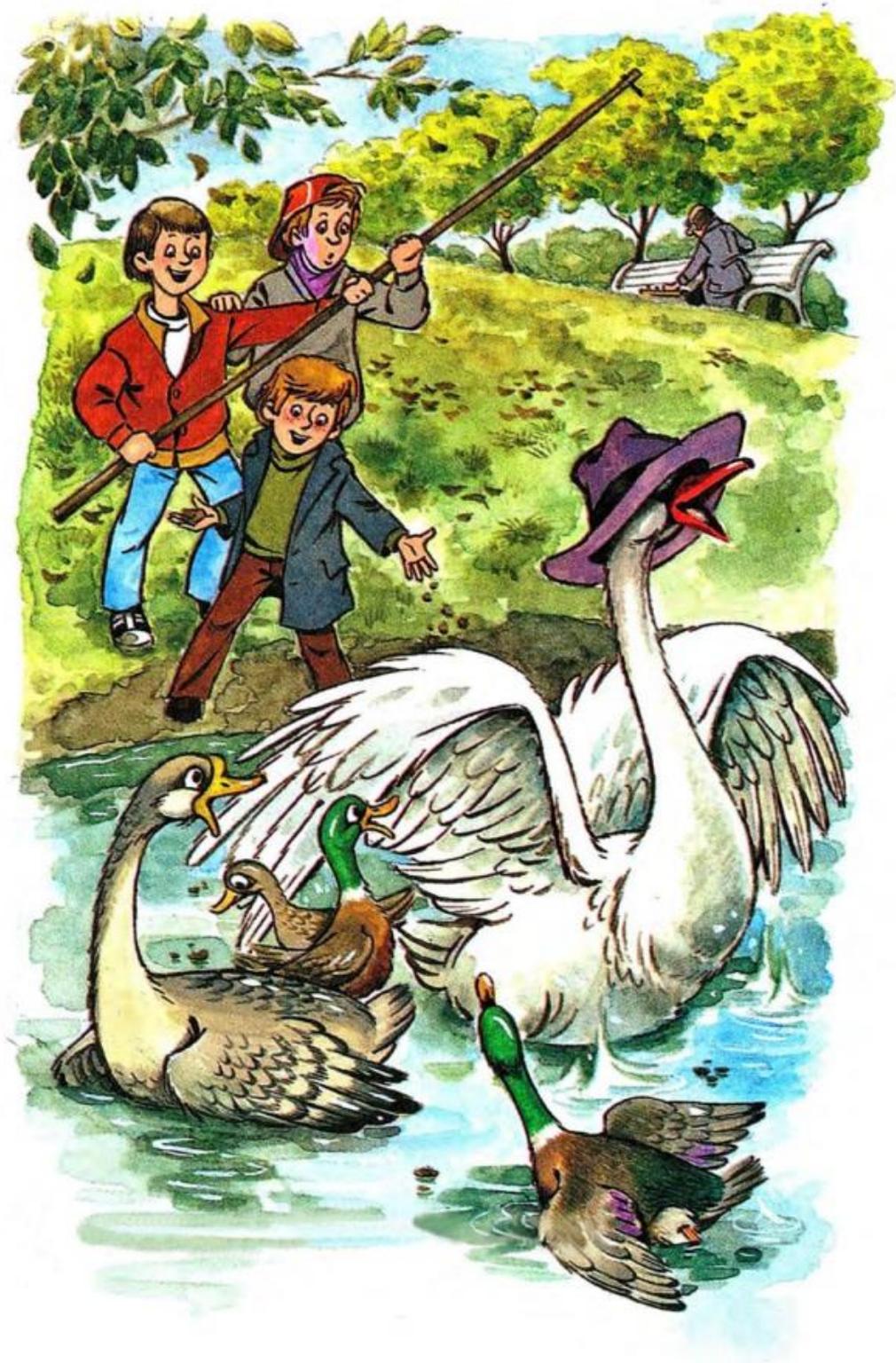
Они говорят:

– Нет, мы хорошо держим! Это твой хлястик оторвался. Вместе с мясом.

Я говорю:

– Кладите мне его в карман, а сами держите просто за пальто, за хвост. Пальто небось не порвётся! Ну!

И опять потянулся шестом к шляпе. Я подождал немного, чтобы ветерок подогнал её поближе. И всё время

потихоньку пригребал её к себе. Мне очень хотелось отдать её шахматисту. А вдруг он и вправду гроссмейстер? А может быть, это даже сам Ботвинник! Просто так вышел погулять, и всё. Ведь бывают же такие истории в жизни! Я отдам ему шляпу, а он скажет: «Спасибо, Денис!»

И я потом снимусь с ним на карточку и буду её всем показывать...

А может быть, он со мною даже согласится сыграть одну партию? А вдруг я выиграю? Бывают же такие случаи!

И тут шляпа подплыла чуть поближе, я замахнулся и вонзил ей гвоздь в самую макушку. Незнакомые ребята закричали:

– Есть!

А я снял шляпу с гвоздя. Она была очень мокрая и тяжёлая. Я сказал:

– Надо её выжать!

И один парнишка взял шляпу за свободный конец и стал её вертеть направо. А я вертел, наоборот, налево. И из шляпы потекла вода.

Мы здорово её выжали, она даже лопнула поперёк. А мальчишка, который ничего не делал, сказал:

– Ну, всё в порядке. Давайте её сюда. Я отдам её дяденьке.

Я говорю:

– Ещё чего. Я сам отдам.

Тогда он стал тянуть шляпу к себе. А второй к себе. А я к себе. И у нас случайно получилась потасовка. И они вырвали подкладку из шляпы. И всю шляпу отняли у меня.

Я говорю:

– Я хлебом приманивал лебедей, мне и отдавать!

Они говорят:

– А кто шест достал с гвоздём?

Я говорю:

– А чей хлястик оторвался?

Тогда один из них говорит:

– Ладно, уступи ему, Маркуша! Его всё равно ещё дома выдерут за хлястик!

Маркуша сказал:

– На, бери свою несчастную шляпу, – и наподдал ногой, как мяч.

А я схватил её и быстро побежал в конец аллеи, где сидел шахматист. Я подбежал к нему и сказал:

– Дяденька, вот вам ваша шляпа!

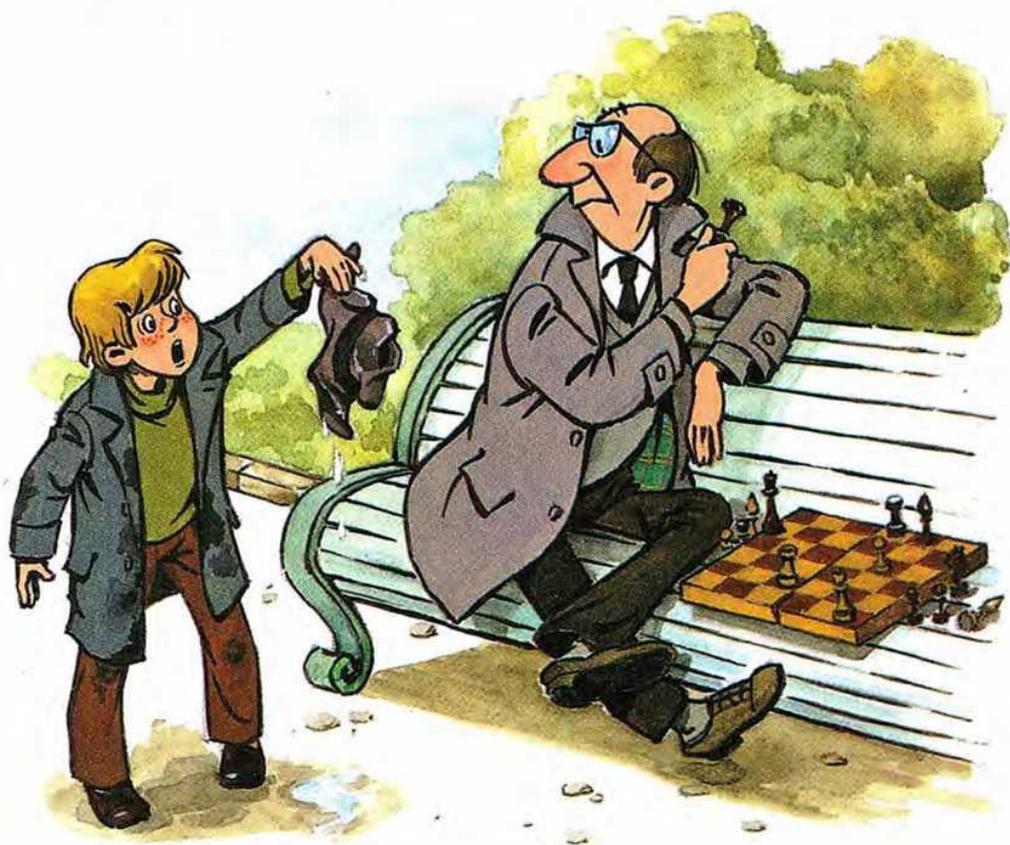
– Где? – спросил он.

– Вот, – сказал я и протянул ему шляпу.

– Ты ошибаешься, мальчик! Моя шляпа здесь. – И он оглянулся назад.

А там, конечно, ничего не было.

Тогда он закричал:

– В чём дело? Где моя шляпа, я вас спрашиваю?

Я немножко отошёл от него и опять сказал:

– Вот она. Вот. Разве вы не видите?

А он прямо задохнулся:

– Что ты мне суёшь этот кошмарный блин? У меня была новенькая шляпа, где она?! Отвечай сейчас же!

Я ему говорю:

– Вашу шляпу унёс ветер, и она попала в пруд. Но я её уцепил гвоздём. А потом мы выжали из неё воду. Вот она. Берите... А это подкладка!

Он сказал:

– Сейчас я сведу тебя к твоим родителям!!!

– Мама в институте. Папа на заводе. А вы, случайно, не Ботвинник?

Он совсем рассердился:

– Уйди, мальчик! Скройся с глаз! А то я тебе подсыплю!

Я ещё чуть-чуть отошёл и сказал:

– А то давайте сыграем?

Он в первый раз посмотрел на меня как следует.

– А ты разве умеешь?

Я сказал:

– Ого!

Тогда он вздохнул и сказал:

– Ну, садись!

ДРУГ ДЕТСТВА

Когда мне было лет шесть или шесть с половиной, я совершенно не знал, кем же я в конце концов буду на этом свете. Мне все люди вокруг очень нравились, и все работы тоже. У меня тогда в голове была ужасная путаница, я был какой-то растерянный и никак не мог толком решить, за что же мне приниматься.

То я хотел быть астрономом, чтоб не спать по ночам и

наблюдать в телескоп далёкие звёзды, а то я мечтал стать капитаном дальнего плавания, чтобы стоять, расставив ноги, на капитанском мостике, и посетить далёкий Сингапур, и купить там забавную обезьянку. А то мне до смерти хотелось превратиться в машиниста метро или начальника станции и ходить в красной фуражке и кричать толстым голосом:

– Го-о-тов!

Или у меня разгорался аппетит выучиться на такого художника, который рисует на уличном асфальте белые полосы для мчащихся машин. А то мне казалось, что неплохо бы стать отважным путешественником вроде Алена Бомбара и переплыть все океаны на утлом челноке, питаясь одной только сырой рыбой. Правда, этот Бомбар после своего путешествия похудел на двадцать пять килограммов, а я всего-то весил двадцать шесть, так что выходило, что если я тоже поплыву, как он, то мне худеть будет совершенно некуда, я буду весить в конце путешествия только одно кило. А вдруг я где-нибудь не поймаю одну-другую рыбку и похудею чуть побольше? Тогда я, наверно, просто растаю в воздухе как дым, вот и все дела.

Когда я всё это подсчитал, то решил отказаться от этой затеи, а на другой день мне уже приспичило стать боксёром, потому что я увидел в телевизоре розыгрыш первенства Европы по боксу. Как они молотили друг друга – просто ужас какой-то! А потом показали их тренировку, и тут они колотили уже тяжёлую кожаную грушу – такой продолговатый тяжёлый мяч, по нему надо бить изо всех сил, лупить что есть мочи, чтобы развивать в себе силу удара. И я так нагяделся на всё на это, что тоже решил стать самым сильным человеком во дворе, чтобы всех побивать, в случае чего.

Я сказал папе:

– Папа, купи мне грушу!

– Сейчас январь, груш нет. Съешь пока морковку.

Я рассмеялся:

– Нет, папа, не такую! Не съедобную грушу! Ты, пожалуйста, купи мне обыкновенную кожаную боксёрскую грушу!

– А тебе зачем? – сказал папа.

– Тренироваться, – сказал я. – Потому что я буду боксёром и буду всех побивать. Купи, а?

– Сколько же стоит такая груша? – поинтересовался папа.

– Пустяки какие-нибудь, – сказал я. – Рублей десять или пятьдесят.

– Ты спятил, братец, – сказал папа. – Перебейся как-нибудь без груши. Ничего с тобой не случится.

И он оделся и пошёл на работу. А я на него обиделся за то, что он мне так со смехом отказал. И мама сразу же заметила, что я обиделся, и тотчас сказала:

– Стой-ка, я, кажется, что-то придумала. Ну-ка, ну-ка, погоди-ка одну минуточку.

И она наклонилась и вытащила из-под дивана большую плетёную корзинку; в ней были сложены старые игрушки, в которые я уже не играл. Потому что я уже вырос и осенью мне должны были купить школьную форму и картуз с блестящим козырьком.

Мама стала копаться в этой корзинке, и, пока она копалась, я видел мой старый трамвайчик без колёс и на верёвочке, пластмассовую дудку, помятый волчок, одну стрелу с резиновой нашлёпкой, обрывок паруса от лодки, и несколько погремушек, и много ещё разного игрушечного утиля. И вдруг мама достала со дна корзинки здоровущего плюшевого мишку.

Она бросила его мне на диван и сказала:

– Вот. Это тот самый, что тебе тётя Мила подарила. Тебе тогда два года исполнилось. Хороший мишка, отличный. Погляди, какой тугой! Живот какой толстый! Ишь как выкатил! Чем не груша? Ещё лучше! И покупать не надо! Давай тренируйся сколько душе угодно! Начинай!

И тут её позвали к телефону, и она вышла в коридор.

А я очень обрадовался, что мама так здорово придумала. И я устроил мишку поудобнее на диване, чтобы мне сподручней было об него тренироваться и развивать силу удара.

Он сидел передо мной такой шоколадный, но здорово облезлый, и у него были разные глаза: один его собственный – жёлтый стеклянный, а другой большой белый – из пуговицы от наволочки; я даже не помнил, когда он появился. Но это было неважно, потому что мишка довольно весело смотрел на меня своими разными глазами, и он расставил ноги и выпятил мне навстречу живот, а обе руки поднял кверху, как будто шутил, что вот он уже заранее сдаётся...

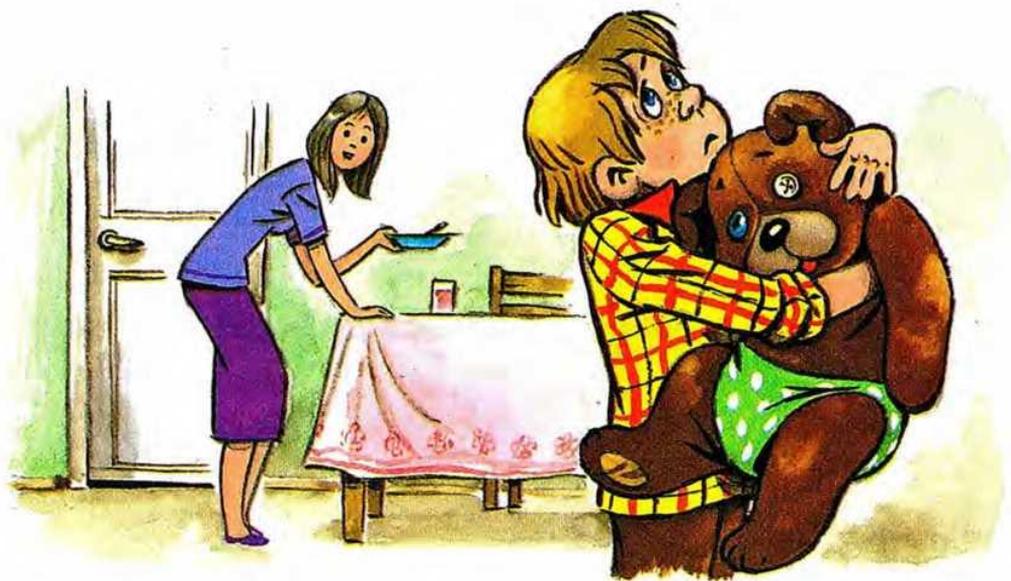
И я вот так посмотрел на него и вдруг вспомнил, как давным-давно я с этим мишкой ни на минуту не расставался, повсюду таскал его за собой, и нянчился с ним, и сажал его за стол рядом с собой обедать, и кормил его с ложки манной кашей, и у него такая забавная мордочка становилась, когда я его чем-нибудь перемазывал, хоть той же кашей или вареньем, такая забавная милая мордочка становилась у него тогда, прямо как живая, и я его спать с собой укладывал, и укачивал его, как маленького братишку,

и шептал ему разные сказки прямо в его бархатные твёрденькие ушки, и я его любил тогда, любил всей душой, я за него тогда жизнь бы отдал. И вот он сидит сейчас на диване, мой бывший самый лучший друг, настоящий друг детства. Вот он сидит, смеётся разными глазами, а я хочу тренировать об него силу удара...

– Ты что, – сказала мама, она уже вернулась из коридора. – Что с тобой?

А я не знал, что со мной, я долго молчал и отвернулся от мамы, чтобы она по голосу или по губам не догадалась, что со мной, и я задрал голову к потолку, чтобы слёзы вкатились обратно, и потом, когда я скрепился немного, я сказал:

– Ты о чём, мама? Со мной ничего... Просто я раздумал. Просто я никогда не буду боксёром.

Я давно уже заметил, что взрослые задают маленьким очень глупые вопросы. Они как будто сговорились. Получается так, словно они все выучили одинаковые вопросы и задают их всем ребятам подряд. Я так к этому делу привык, что наперёд знаю, как всё произойдёт, если я познакомлюсь с каким-нибудь взрослым. Это будет так.

Вот раздаётся звонок, мама откроет дверь, кто-то будет долго гудеть что-то непонятное, потом в комнату войдёт новый взрослый. Он будет потирать руки. Потом уши, потом очки. Когда он их наденет, то увидит меня, и хотя он давным-давно знает, что я живу на этом свете, и прекрасно знает, как меня зовут, он всё-таки схватит меня за плечи, сожмёт их довольно-таки больно, притянет меня к себе и скажет:

«Ну, Денис, как тебя зовут?»

Конечно, если бы я был невежливый человек, я бы ему сказал:

«Сами знаете! Ведь вы только сейчас назвали меня по имени, зачем же вы несёте несуразицу?»

Но я вежливый. Поэтому я притворюсь, что не слышал ничего такого, я просто криво улыбнусь и, отводя в сторону глаза, отвечу:

«Денисом».

Он с ходу спросит дальше:

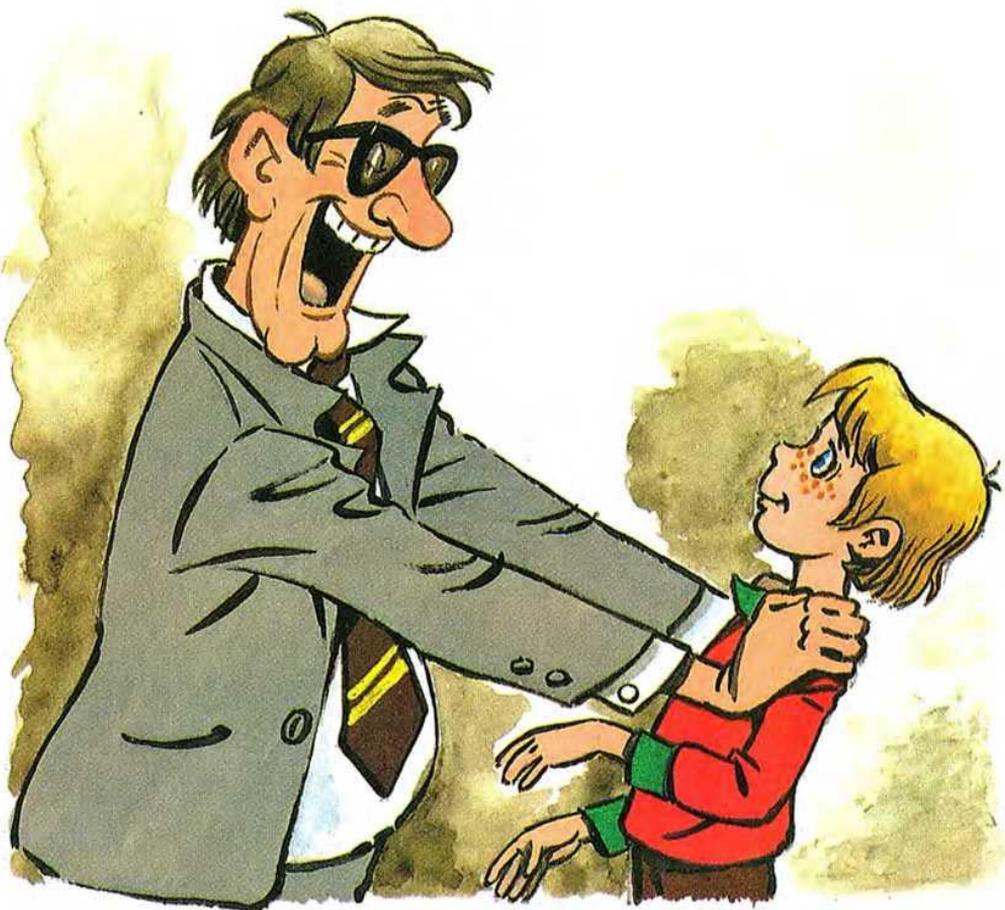
«А сколько тебе лет?»

Как будто не видит, что мне не тридцать и даже не сорок! Ведь видит же, какого я роста, и, значит, должен понять, что мне самое большее семь, ну восемь от силы, — зачем же тогда спрашивать? Но у него свои, взрослые взгляды и привычки, и он продолжает приставать:

«А? Сколько же тебе лет? А?»

Я ему скажу:

«Семь с половиной».

Тут он расширит глаза и схватится за голову, как будто я сообщил, что мне вчера стукнуло сто шестьдесят один. Он прямо застонет, словно у него три зуба болят:

«Ой-ой-ой! Семь с половиной! Ой-ой-ой!»

Но чтобы я не заплакал от жалости к нему и понял, что это шутка, он перестанет стонать. Он двумя пальцами довольно-таки больно ткнёт меня в живот и бодро воскликнет:

«Скоро в армию! А?»

А потом вернётся к началу игры и скажет маме с папой, покачивая головой:

«Что делается, что делается! Семь с половиной! Уже! – И, обернувшись ко мне, добавит: – А я тебя вот такусеньким знал!»

И он отмерит в воздухе сантиметров двадцать. Это в то

время, когда я точно знаю, что во мне был пятьдесят один сантиметр в длину. У мамы даже такой документ есть. Официальный. Ну, на этого взрослого я не обижаюсь. Все они такие. Вот и сейчас я твёрдо знаю, что ему положено задуматься. И он задумается. Железно. Он повесит голову на грудь, словно заснул. А тут я начну потихоньку вырываться из его рук. Но не тут-то было. Просто взрослый вспомнит, какие там у него ещё вопросы завалялись в кармане, он их вспомнит и наконец, радостно улыбаясь, спросит:

«Ах да! А кем ты будешь? А? Кем ты хочешь быть?»

Я-то, честно говоря, хочу заняться спелеологией, но я понимаю, что новому взрослому это будет скучно, непонятно, это ему будет непривычно, и, чтобы не сбивать его с толку, я ему отвечу:

«Я хочу быть мороженщиком. У него всегда мороженого сколько хочешь».

Лицо нового взрослого сразу посветлеет. Всё в порядке, всё идет так, как ему хотелось, без отклонений от нормы. Поэтому он хлопнет меня по спине (довольно-таки больно) и снисходительно скажет:

«Правильно! Так держать! Молодец!»

И тут я по своей наивности думаю, что это уже всё, конец, и начну немного посмелее отодвигаться от него, потому что мне некогда, у меня ещё уроки не приготовлены и вообще тысяча дел, но он заметит эту мою попытку освободиться и подавит её в корне, он зажмёт меня ногами и закогтит руками, то есть, попросту говоря, он применит физическую силу, и, когда я устану и перестану трепыхаться, он задаст мне главный вопрос.

«А скажи-ка, друг ты мой... – скажет он, и коварство, как змея, проползёт в его голосе, – скажи-ка, кого ты больше любишь? Папу или маму?»

Бестактный вопрос. Тем более что задан он в присутствии обоих родителей. Придётся ловчить.

«Михаила Таля», – скажу я.

Он захохочет. Его почему-то веселят такие кретинские ответы. Он повторит раз сто:

«Михаила Таля! Ха-ха-ха-ха-ха-ха! Каково, а? Ну? Что вы скажете на это, счастливые родители?»

И будет смеяться ещё полчаса, и папа и мама будут смеяться тоже. И мне будет стыдно за них и за себя. И я дам себе клятву, что потом, когда кончится этот ужас, я как-нибудь незаметно для папы поцелую маму, незаметно для мамы поцелую папу. Потому что я люблю их одинаково обоих, о-ди-на-ко-во!! Клянусь своей белой мышкой! Ведь это так просто. Но взрослых это почему-то не удовлетворяет. Несколько раз я пробовал честно и точно ответить на этот вопрос, и всегда я видел, что взрослые недовольны ответом, у них наступало какое-то разочарование, что ли. У всех у них в глазах как будто бывает написана одна и та же мысль, приблизительно такая: «У-у-у... Какой банальный ответ! Он любит папу и маму одинаково! Какой скучный мальчик!»

Потому я и совру им про Михаила Таля, пусть посмеются, а я пока попробую снова вырваться из стальных объятий моего нового знакомого! Куда там, видно, он поздоровее Юрия Власова. И сейчас он мне задаст ещё один вопросик. Но по его тону я догадываюсь, что дело идёт к концу. Это будет самый смешной вопрос, вроде бы на сладкое. Сейчас его лицо изобразит сверхъестественный испуг.

«А ты сегодня почему не мылся?»

Я мылся, конечно, но я прекрасно понимаю, куда он клонит.

И как им не надоест эта старая, заезженная игра?

Чтобы не тянуть волынку, я схвачусь за лицо.

«Где?! – вскрикну я. – Что?! Где?!»

Точно! Прямое попадание! Взрослый мгновенно пронесёт свою старомодную муру.

«А глазки? – скажет он лукаво. – Почему такие чёрные глазки? Их надо отмыть! Иди сейчас же в ванную!»

И он наконец-то отпустит меня! Я свободен и могу приниматься за дела.

Ох и трудненько достаются мне эти новые знакомства! Но что поделать? Все дети проходят через это! Не я первый, не я последний...

Тут ничего изменить нельзя.

«ГДЕ ЭТО ВИДАНО, ГДЕ ЭТО СЛЫХАНО...»

На переменке подбежала ко мне наша октябрятская вожатая Люся и говорит:

– Дениска, а ты сможешь выступить в концерте? Мы решили организовать двух малышей, чтобы они были сатирики. Хочешь?

Я говорю:

– Я всё хочу! Только ты объясни: что такое сатирики?

Люся говорит:

– Видишь ли, у нас есть разные неполадки... Ну, например, двоечники или лентяи, их надо прохватить. Понял? Надо про них выступить, чтобы все смеялись, это на них действует отрезвляюще.

Я говорю:

– Они не пьяные, они просто лентяи.

– Это так говорится: отрезвляюще, – засмеялась Люся.
– А на самом деле просто эти ребята призадумаются, им станет неловко, и они исправятся. Понял? Ну, в общем, не тьяни: хочешь – соглашайся, не хочешь – отказывайся!

Я сказал:

– Ладно уж, давай!

Тогда Люся спросила:

– А у тебя есть партнёр?

– Нету.

Люся удивилась:

– Как же ты без товарища живёшь?

– Товарищ у меня есть, Мишка. А партнёра нету.

Люся снова улыбнулась:

– Это почти одно и то же. А он музыкальный, Мишка твой?

– Нет, обыкновенный.

– Петь умеет?

– Очень тихо. Но я научу его петь громче, не беспокойся.

Тут Люся обрадовалась:

– После уроков притащи его в малый зал, там будет репетиция!

И я со всех ног пустился искать Мишку. Он стоял в буфете и ел сардельку.

– Мишка, хочешь быть сатириком?

А он сказал:

– погоди, дай поесть.

Я стоял и смотрел, как он ест. Сам маленький, а сарделька толще его шеи. Он держал эту сардельку руками и ел прямо целой, не разрезая, и шкурка трещала и лопалась, когда он её кусал, и оттуда брызгал горячий пахучий сок.

И я не выдержал и сказал тётке Кате:

– Дайте мне, пожалуйста, тоже сардельку, поскорее!

И тётя Катя сразу протянула мне мисочку. И я очень торопился, чтобы Мишка без меня не успел съесть свою сардельку: мне одному не было бы так вкусно. И вот я тоже взял свою сардельку руками и тоже, не чистя, стал грызть её, и из неё брызгал горячий пахучий сок. И мы с Мишкой так грызли на пару, и обжигались, и смотрели друг на дружку, и улыбались.

А потом я ему рассказал, что мы будем сатирики, и он согласился, и мы еле досидели до конца уроков, а потом побежали в малый зал на репетицию.

Там уже сидела наша вожатая Люся, и с ней был один парнишка, приблизительно из четвёртого, очень некрасивый, с маленькими ушами и большущими глазами.

Люся сказала:

– Вот и они! Познакомьтесь, это наш школьный поэт Андрей Шестаков.

Мы сказали:

– Здорово!

И отвернулись, чтобы он не задавался.

А поэт сказал Люсе:

– Это что, исполнители, что ли?

– Да,

Он сказал:

– Неужели ничего не было покрупней?

Люся сказала:

– Как раз то, что требуется!

Но тут пришёл наш учитель пения Борис Сергеевич. Он сразу подошёл к роялю:

– Ну-с, начинаем! Где стихи?

Андрюшка вынул из кармана какой-то листок и сказал:

– Вот. Я взял размер и припев у Маршака, из сказки об ослике, дедушке и внуке: «Где это видано, где это слыхано...»

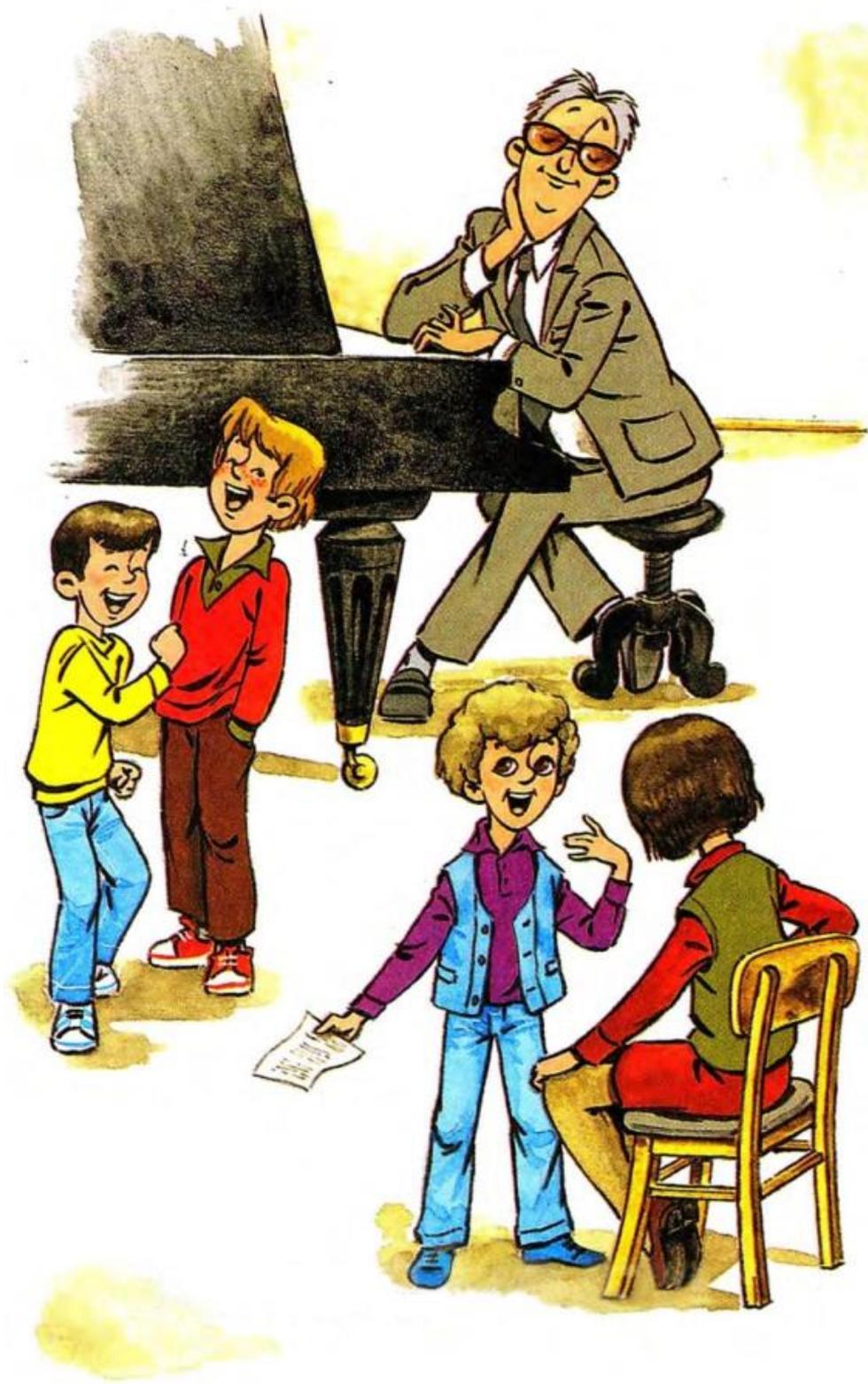
Борис Сергеевич кивнул головой:

– Читай вслух!

Андрюшка стал читать:

Папа у Васи силён в математике,
Учится папа за Васю весь год.
Где это видано, где это слыхано, –
Папа решает, а Вася сдаёт?!

Мы с Мишкой так и прыснули. Конечно, ребята довольно часто просят родителей решить за них задачу, а потом показывают учительнице, как будто это они такие герои. А у доски ни бум-бум – двойка! Дело известное. Ай да Андрюшка, здорово прохватил! А Андрюшка читает дальше, так тихо и серьёзно:

Мелом расчерчен асфальт на квадратики,
Манечка с Танечкой прыгают тут.
Где это видано, где это слыхано, –
В «классы» играют, а в класс не идут?!

Опять здорово. Нам очень понравилось! Этот Андрюшка просто настоящий молодец, вроде Пушкина!

Борис Сергеевич сказал:

– Ничего, неплохо! А музыка будет самая простая, что-нибудь в этом роде. – И он взял Андрюшкины стихи и, тихонько наигрывая, пропел их все подряд.

Получилось очень ловко, мы даже захлопали в ладоши.

А Борис Сергеевич сказал:

– Ну те-с, кто же наши исполнители?

А Люся показала на нас с Мишкой:

– Вот!

– Ну что ж, – сказал Борис Сергеевич, – у Миши хороший слух... Правда, Дениска поёт не очень-то верно.

Я сказал:

– Зато громко.

И мы начали повторять эти стихи под музыку и повторили их, наверно, раз пятьдесят или тысячу, и я очень громко орал, и все меня успокаивали и делали замечания:

– Ты не волнуйся! Ты тише! Спокойней! Не надо так громко!

Особенно горячился Андрюшка. Он меня совсем затормошил. Но я пел только громко, я не хотел петь потише, потому что настоящее пение – это именно когда громко!

...И вот однажды, когда я пришёл в школу, я увидел в раздевалке объявление:

ВНИМАНИЕ!

Сегодня на большой перемене
в малом зале состоится выступление

летучего патруля
«Пионерского Сатирикона»!
Исполняет дуэт малышей!
На злобу дня!
Приходите все!

И во мне сразу что-то ёкнуло. Я побежал в класс. Там сидел Мишка и смотрел в окно.

Я сказал:

– Ну, сегодня выступаем!

А Мишка вдруг промямлил:

– Неохота мне выступать...

Я прямо оторопел. Как – неохота? Вот так раз! Ведь мы же репетировали? А как же Люся и Борис Сергеевич? Андрюшка? А все ребята, ведь они читали афишу и прибегут как один? Я сказал:

– Ты что, с ума сошёл, что ли? Людей подводить?

А Мишка так жалобно:

– У меня, кажется, живот болит.

Я говорю:

– Это со страху. У меня тоже болит, но я ведь не отказываюсь!

Но Мишка всё равно был какой-то задумчивый. На большой перемене все ребята кинулись в малый зал, а мы с Мишкой еле плелись позади, потому что у меня тоже совершенно пропало настроение выступать. Но в это время нам навстречу выбежала Люся, она крепко схватила нас за руки и поволокла за собой, но у меня ноги были мягкие, как у куклы, и заплетались. Это я, наверно, от Мишки заразился.

В зале было огорожено место около рояля, а вокруг столпились ребята из всех классов, и няни, и учительницы.

Мы с Мишкой встали около рояля. Борис Сергеевич был уже на месте, и Люся объявила дикторским голосом:

– Начинаем выступление «Пионерского Сатирикона»

на злободневные темы. Текст Андрея Шестакова, исполняют всемирно известные сатирики Миша и Денис! Попросим!

И мы с Мишкой вышли немножко вперёд. Мишка был белый как стена. А я ничего, только во рту было сухо и шершаво, как будто там лежал наждак.

Борис Сергеевич заиграл. Начинать нужно было Мишке, потому что он пел первые две строчки, а я должен был петь вторые две строчки. Вот Борис Сергеевич заиграл, а Мишка выкинул в сторону левую руку, как его научила Люся, и хотел было запеть, но опоздал, и, пока он собирался, наступила уже моя очередь, так выходило по музыке. Но я не стал петь, раз Мишка опоздал. С какой стати!

Мишка тогда опустил руку на место. А Борис Сергеевич громко и раздельно начал снова.

Он ударил, как и следовало, по клавишам три раза, а на четвёртый Мишка опять откинул левую руку и наконец запел:

Папа у Васи силён в математике,
Учится папа за Васю весь год.

Я сразу подхватил и прокричал:

Где это видано, где это слыхано, —
Папа решает, а Вася сдаёт?!

Все, кто был в зале, рассмеялись, и у меня от этого стало легче на душе. А Борис Сергеевич поехал дальше. Он снова три раза ударил по клавишам, а на четвёртый Мишка аккуратно выкинул левую руку в сторону и ни с того ни с сего запел сначала:

Папа у Васи силён в математике,
Учится папа за Васю весь год.

Я сразу понял, что он сбился! Но раз такое дело, я решил допеть до конца, а там видно будет. Взял и допел:

Где это видано, где это слыхано, –
Папа решает, а Вася сдаёт?!

Слава богу, в зале было тихо – все, видно, тоже поняли, что Мишка сбился, и подумали: «Ну что ж, бывает, пусть дальше поёт».

А музыка в это время бежала всё дальше и дальше. Но Мишка был какой-то зеленоватый.

И когда музыка дошла до места, он снова вымахнул левую руку и, как пластинка, которую заело, завёл в третий раз:

Папа у Васи силён в математике,
Учится папа за Васю весь год.

Мне ужасно захотелось стукнуть его по затылку чем-нибудь тяжёлым, но я заорал со страшной злостью:

Где это видано, где это слыхано, –
Папа решает, а Вася сдаёт?!

Мишка, ты, видно, совсем рехнулся! Ты что в третий раз одно и то же затягиваешь? Давай про девчонок!

А Мишка так нахально:

– Без тебя знаю! – И вежливо говорит Борису Сергеевичу: – Пожалуйста, Борис Сергеевич, дальше!

Борис Сергеевич заиграл, а Мишка вдруг осмелел, опять выставил свою левую руку и на четвёртом ударе заголосил как ни в чём не бывало:

Папа у Васи силён в математике,
Учится папа за Васю весь год.

Тут все в зале прямо завизжали от смеха, и я увидел в толпе, какое несчастное лицо у Андрюшки, и ещё увидел, что Люся, вся красная и растрёпанная, пробивается к нам сквозь толпу. А Мишка стоит с открытым ртом, как будто сам на себя удивляется. Ну, а я, пока суд да дело, докрикиваю:

Где это видано, где это слыхано, –
Папа решает, а Вася сдаёт?!

Тут уж началось что-то ужасное. Все хохотали как зарезанные, а Мишка из зелёного стал фиолетовым. Наша Люся схватила его за руку и утащила к себе. Она кричала:

– Дениска, пой один! Не подводи!.. Музыка! И!..

А я стоял у рояля и решил не подвести. Я почувствовал, что мне стало всё равно, и, когда дошла музыка, я почему-то вдруг тоже выкинул в сторону левую руку и совершенно неожиданно завопил:

Папа у Васи силён в математике,
Учится папа за Васю весь год...

Я даже плохо помню, что было дальше. Было похоже на землетрясение. И я думал, что вот сейчас провалюсь совсем под землю, а вокруг все просто падали от смеха – и няни, и учителя, все, все...

Я даже удивляюсь, что я не умер от этой проклятой песни.

Я наверно бы умер, если бы в это время не зазвонил звонок...

Не буду я больше сатириком!

С самого начала этого лета мы все трое, Мишка, Костик и я, очень пристрастились к водной станции «Динамо» и стали ходить туда почти что каждый день. Мы раньше не умели плавать, а потом постепенно научились кто где: кто – в деревне, кто – в пионерских лагерях, а я, например, два месяца посещал наш плавательный бассейн «Москва». И когда мы все научились плавать, мы очень быстро поняли, что нигде не получишь такого удовольствия от купания, как на водной станции. Даю слово.

Ох, хорошо лежать ясным утречком на водной станции на сыроватых и тёплых её деревянных дорожках, вдыхать всеми ноздрями свежий и тревожный запах реки и слышать, как на высоких мачтах и тонких рейках трещат под ветром разноцветные шёлковые флажки и вода хлюпает и полощется где-то под тобой в дощатых щелях; хорошо так лежать, и молчать, и загорать, раскинув руки, и смотреть из-под локтя, как недалеко от станции, чуть-чуть повыше по течению, рабочие-каменщики чинят набережную и бьют по розовому камню молотками, и звук долетает до тебя немножко позже удара, такой тонкий и нежный, как будто кто-то играет стеклянными молоточками на серебряном ксилофоне. И особенно хорошо, когда накалишься как следует, бухнуться в воду, и наплаваться вдосталь, и напрыгаться с метровой тумбочки, и наныряться досыта, до отвала. А потом, когда устанешь, хорошо пойти к своим ребятам, пойти по горячим досточкам, втянув живот до позвоночника, и выпятив грудь колесом, и распирая бёдра, и напружинив руки, а ноги ставя непременно носками внутрь, потому что это красиво, и на водной станции иначе не пойдёшь, здесь так ходят все. Здесь тебе не самодельный пляжик с грязноватым песком и бумажками, здесь тебе не какой-нибудь травянистый бережок – это там можно чапать как угодно, – а здесь водная станция, здесь

порядок, чистота, ловкость, спорт, шик-блеск, и поэтому все здесь ходят по-чемпионски, на «отлично», фасонно ходят – иногда даже ходят гораздо лучше, чем плавают.

И вот поэтому мы все, Мишка, Костик и я, – мы дня не пропускали, всё лето ходили сюда купаться, и загорели как черти, и здорово поднаучились плавать, и у нас появились мускулы, бицепсы и трицепсы, и мы на нашей станции облазили все углы и знали, где медпункт, где игры и всё такое, и в конце концов всё здесь стало для нас вроде бы как родное и обыкновенное. Мы привыкли.

И однажды мы лежали, как всегда, на досточках и загорали, и Костик вдруг сказал ни с того ни с сего:

– Дениска! А ты мог бы прыгнуть с самой верхней вышки в воду?

Я посмотрел на вышку и увидел, что она не слишком-то уж высокая, ничего страшного, не выше второго этажа, ничего особенного. Поэтому я сейчас же ответил Костику:

– Конечно, смог бы! Ерунда какая.

Мишка тотчас же сказал:

– А вот слабо!

Я сказал:

– Дурачок ты, Мишка, вот ты кто!

Костик сказал:

– Но десять же метров!

– Ну и что? – сказал я.

– Слабо! – отрезал Костик.

И Мишка, конечно, его поддержал:

– Слабо, факт, слабо! – И добавил: – Слабо – бибо!!!

Я сказал:

– Дурачки вы оба! Вот вы кто!

И тут я встал, растопырил рёбра, выкатил грудь, напружинил руки и пошёл к вышке. А когда шёл, всё время ставил носки внутрь.

Сзади Костик крикнул:

– Сла-би-бу-бе-бо!

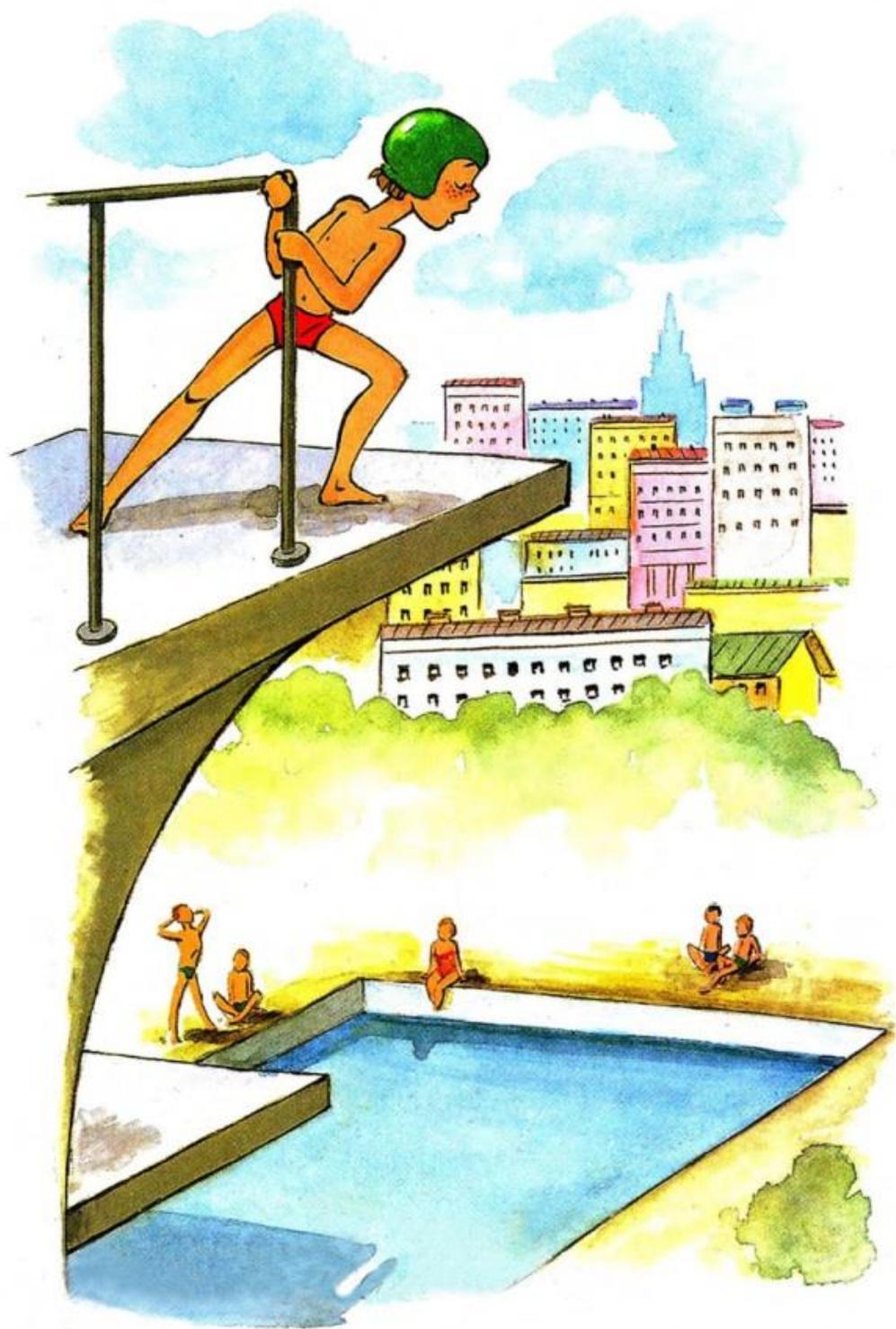
Но я не стал ему отвечать. Я уже всходил на вышку. Всё это время, что мы ходили на водную станцию, я каждый день видел, как с этой вышки прыгали в воду взрослые дядьки. Я видел, как они красиво выгибали спину, когда прыгали «ласточкой», видел, как они перекувыркивались через голову по полтора раза, или переворачивались через бок, или складывались в воздухе пополам и падали в воду аккуратно и точно, почти совсем не подымая брызг, а когда выныривали, то выходили на доски, напряжинив руки и выпятив грудь...

И это было очень красиво и легко, и я всю жизнь был уверен, что прыгаю не хуже этих дядек, но сейчас, когда лез, я решил для первого раза никаких фигур в воздухе не выстраивать, а просто прыгнуть прямо, вытянувшись в струнку, «солдатиком», – это легче лёгкого! Я так просто, без затей, прыгну только для начала, а уж потом, в следующие разы, я специально для Мишки такие буду выписывать кренделя, что Мишка только рот разинет. Пусть они с Костиком лучше молчат в тряпочку и кричат мне вдогонку своё дурацкое «сла-би-бо!!!».

И пока я так думал, у меня было весёлое настроение, и я быстро бежал по маленьким лесенкам вверх и вверх и даже не заметил, с какой быстротой я оказался на самой высшей площадке, на высоте десяти метров над уровнем станции.

И тут я вдруг увидел, что эта площадка очень маленькая, а перед нею, и по бокам, и далеко вокруг, стоит какой-то раздвинутый, огромный и прекрасный город, он стоит весь в каком-то лёгком тумане, а тут, на площадке, шумит ветер, шумит не шутя, как буря, того и гляди, сдует тебя с этой вышки. И совсем не слышно, как рабочие дробят камень, ветер заглушает их стеклянные молотки.

И когда я глянул вниз, я увидел наш водный бассейн, он был голубой, но такой маленький, прямо величиной с папиросную коробку, и я подумал, что, если прыгну, вряд

ли попаду в него, тут очень просто промахнуться, а тем более ветер не меньше шести баллов, он, того и гляди, снесёт меня куда-нибудь в сторону, в реку, или я бухнусь прямо в буфет кому-нибудь на голову, вот будет история! Или я, чего доброго, угожу прямо в кухню, в котёл с борщом! Тоже удовольствие маленькое. От этих мыслей у меня что-то зачесалось внутри коленок, и мне больше всего захотелось ещё раз услышать, как рабочие чинят набережную, и увидеть Костика и Мишку рядом с собой, всё-таки они мои друзья...

И я потихоньку сделал несколько шагов назад, ухватился за перила и стал спускаться вниз, а когда спустился, настроение у меня опять было хорошее и на сердце стало легко-легко, как будто гора с плеч свалилась. И я очень обрадовался, когда увидел Мишку с Костиком, и побежал к ним, а когда подбежал, остановился как вкопанный!.. Эти дураки хохотали во всё горло и показывали на меня пальцем! Они изображали, что сейчас лопнут от смеха. Они вопили:

– Он спрыгнул!

– Ха-ха-ха!

– Он сиганул!

– Хо-хо-хо!

– Ласточкой!

– Хе-хе-хе!

– Солдатиком!

– Хи-хи-хи!

– Храбрец!

– Молодец!

– Хвастец!

Я сел рядом с ними и сказал:

– Дурачки вы, и больше ничего! Неужели вы думаете, что я струсил?

Тут они прямо завизжали:

– Нет! Ха-ха-ха!

- Не думаем! Хо-хо-хо!
- Ты не струсил!
- Ты просто забоялся!
- Сейчас мы напишем про тебя в газету!
- Чтоб тебе медаль дали!
- За красивое спускание по лестнице!

Во мне прямо всё бурлило от злости! Какие всё-таки наглые типы, этот худущий Костыль и особенно Миха с его противным голосом! Они, видно, серьёзно воображают, что я струсил! Какая глупость! Олухи царя небесного!

Но я не стал ругаться и оскорблять их, как они меня. Ведь я-то знал, что мне ничего не стоит спрыгнуть с этой жалкой вышки! Поэтому я сказал им спокойно и вежливо:

– Наплевать на вас!

И стремглав кинулся к вышке, и в пять секунд снова взбежал на самый верх! В это время солнце спряталось за тучу. Здесь было холодно и мрачно, ветер выл, и вышка немножко скрипела и покачивалась. Но я не стал задерживаться, я подошёл к самому краю, сложил руки по швам, зажмурился, чуть-чуть согнул колени, перед тем как прыгнуть, и... вдруг совершенно неожиданно я вспомнил про маму. И про папу тоже. И про бабушку. Я вспомнил, что сегодня утром, когда я убежал на «Динамо», я не попрощался с ними и что теперь очень может быть, что я убьюсь насмерть, и я подумал, какое это будет для них несчастье. Просто горе будет. Ведь им совершенно некого будет в жизни приласкать. Я представил себе, как мама всегда будет смотреть на мою карточку и плакать, ведь я у неё единственный и у папы тоже. И у них в душе будет вечный траур, и они не будут ходить в гости и в кино – разве это жизнь? И кто же будет о них заботиться, когда они состарятся? Да и мне тоже без них будет плохо, я ведь тоже их люблю! Хотя мне-то уже плохо не будет, меня в живых не будет, я буду уже мёртвый, и не увижу больше неба, и не услышу, как рабочие нежно дробят камень на набережной!..

И всё это из-за этих негодных Костыля и Михи!

Я ужасно возмутился и весь вскипел, что из-за таких дураков столько народу пострадает, и я подумал, что гораздо лучше будет, если я пойду и насую им по шее, и чем скорее, тем лучше.

И я опять спустился вниз.

Костик, когда увидел меня, встал на четвереньки и уткнулся головой в пол. И так, на голове, он побежал по кругу, как какой-нибудь жук. А Мишка был совершенно синий и булькал – у него была смеховая истерика.

Возле них сидела небольшая толпа, разные девушки и парни. Они тоже смеялись. Видно, Костик с Мишкой рассказали им это дело. Они очень весело смеялись, незнакомые эти люди, а мои друзья смеялись с ними заодно, они все вместе дружно надо мной смеялись...

И тут я почувствовал, что всё, что было до сих пор, – это была чепуха! Просто я до сих пор не понимал, в чём тут суть! А сейчас, кажется, понял. И я повернулся и пошёл обратно на вышку. В третий раз! Они там сзади кукарекали мне вслед, блеяли и улюлюкали. Но я долез доверху и подошёл к самому краю. Коленки у меня дрожали. Но я схватил их руками и сжал и сказал себе тихонько, а когда говорил, слышал, как дрожит мой голос и клацкают зубы. Я бормотал:

– Рохля!.. Вахля!! Махля!.. Прыгай сейчас же! Ну! А то я разговаривать с тобой не буду! Руки тебе не подам! Ну! Прыгай же! Ну! Тухля! Протухля! Вонюхля!

И когда я обозвал себя вонюхлей, я не выдержал обиды и шагнул вперёд. Сердце и желудок у меня сразу подкатились к горлу. И я, когда летел, не успел ничего подумать, просто я знал, что я прыгнул. Я прыгнул! Я прыгнул! Прыгнул всё-таки!!!

А когда я вынырнул, Мишка и Костик протянули мне руки и вытащили на доски. Мы легли рядом. Мишка и Костик молчали.

А я лежал и слушал, как рабочие бьют молотками по розовому камню. Звук долетал сюда слабо, нежно и робко, как будто кто-то играл стеклянным молоточком на серебряном ксилофоне.

ПОЖАР ВО ФЛИГЕЛЕ, ИЛИ ПОДВИГ ВО ЛЬДАХ

Мы с Мишкой так заигрались в хоккей, что совсем забыли, на каком мы находимся свете, и когда спросили одного проходящего мимо дяденьку, который час, он нам сказал:

– Ровно два.

Мы с Мишкой прямо за голову схватились. Два часа! Каких-нибудь пять минут поиграли, а уже два часа! Ведь это же ужас! Мы же в школу опоздали! Я подхватил портфель и закричал:

– Бегом давай, Мишка!

И мы полетели, как молнии. Но очень скоро устали и пошли шагом.

Мишка сказал:

– Не торопись, теперь уже всё равно опоздали.

Я говорю:

– Ох, влетит... Родителей вызовут! Ведь без уважительной же причины.

Мишка говорит:

– Надо её придумать. А то на совет отряда вызовут. Давай придумаем поскорее!

Я говорю:

– Давай скажем, что у нас заболели зубы и что мы ходили их вырывать.

Но Мишка только фыркнул:

– У обоих сразу заболели, да? Хором заболели!.. Нет, так не бывает. И потом: если мы их рвали, то где же дырки?

Я говорю:

– Что же делать? Прямо не знаю... Ой, вызовут на совет и родителей пригласят!.. Слушай, знаешь что? Надо придумать что-нибудь интересное и храброе, чтобы нас ещё и похвалили за опоздание, понял?

Мишка говорит:

– Это как?

– Ну, например, придумаем, что где-нибудь был пожар, а мы как будто ребёнка из этого пожара вытащили, понял?

Мишка обрадовался:

– Ага, понял! Можно про пожар придумать, а то ещё лучше сказать, как будто лёд на пруду проломился, и ребёнок этот – бух!.. В воду упал! А мы его вытащили.. Тоже красиво!

– Ну да, – говорю я, – правильно! Но пожар всё-таки лучше!

– Ну нет, – говорит Мишка, – именно что лопнувший пруд интереснее!

И мы с ним ещё немножко поспорили, что интересней и храбрей, и не доспорили, а уже пришли к школе. А в раздевалке наша гардеробщица тётя Паша вдруг говорит:

– Ты где это так оборвался, Мишка? У тебя весь воротник без пуговиц. Нельзя таким чучелом в класс являться. Всё равно уж ты опоздал, давай хоть пуговицы-то пришью! Вон у меня их целая коробка. А ты, Дениска, иди в класс, нечего тебе тут торчать!

Я сказал Мишке:

– Ты поскорее тут шевелись, а то мне одному, что ли, отдуваться?

Но тётя Паша шуганула меня:

– Иди, иди, а он за тобой! Марш!

И вот я тихонько приоткрыл дверь нашего класса, просунул голову, и вижу весь класс, и слышу, как Раиса Ивановна диктует по книжке:

– «Птенцы пищат...»

А у доски стоит Валерка и выписывает корявыми буквами:

«Птенцы пестчат...»

Я не выдержал и рассмеялся, а Раиса Ивановна подняла глаза и увидела меня. Я сразу сказал:

– Можно войти, Раиса Ивановна?

– Ах, это ты, Дениска, – сказала Раиса Ивановна. – Что ж, входи! Интересно, где это ты пропадал?

Я вошёл в класс и остановился у шкафа. Раиса Ивановна взгляделась в меня и прямо ахнула:

– Что у тебя за вид? Где это ты так извалялся? А? Отвечай толком!

А я ещё ничего не придумал и не могу толком отвечать, а так, говорю что попало, всё подряд, только чтобы время протянуть:

– Я, Раиса Иванна, не один... Вдвоём мы, вместе с Мишкой... Вот оно как. Ого!.. Ну и дела. Так и так! И так далее.

А Раиса Ивановна:

– Что-что? Ты успокойся, говори помедленней, а то непонятно! Что случилось? Где вы были? Да говори же!

А я совсем не знаю, что говорить. А надо говорить. А что будешь говорить, когда нечего говорить? Вот я и говорю:

– Мы с Мишкой. Да. Вот... Шли себе и шли. Никого не трогали. Мы в школу шли, чтоб не опоздать. И вдруг такое! Такое дело, Раиса Ивановна, прямо ох-хо-хо! Ух ты! Ай-яй-яй.

Тут все в классе рассмеялись и загалдели. Особенно громко – Валерка. Потому что он уже давно предчувствовал двойку за своих «птенцов». А тут урок остановился, и можно смотреть на меня и хохотать. Он прямо покатывался. Но Раиса Ивановна быстро прекратила этот базар.

– Тише, – сказала она, – дайте разобраться! Кораблёв! Отвечай, где вы были? Где Миша?

А у меня в голове уже началось какое-то завихрение от всех этих приключений, и я ни с того ни с сего брякнул:

– Там пожар был!

И сразу все утихли. А Раиса Ивановна побледнела и говорит:

– Где пожар?

А я:

– Возле нас. Во дворе. Во флигеле. Дым валит – прямо клубами. А мы идём с Мишкой мимо этого... как его... мимо чёрного хода! А дверь этого хода кто-то доской снаружи припёр. Вот. А мы идём! А оттуда, значит, дым! И кто-то пищит. Задыхается. Ну, мы доску отняли, а там маленькая девочка. Плачет. Задыхается. Ну, мы её за руки, за ноги – спасли. А тут её мама прибегает, говорит: «Как ваша фамилия, мальчики? Я про вас в газету благодарность напишу». А мы с Мишкой говорим: «Что вы, какая может быть благодарность за эту пустяковую девчонку! Не стоит благодарности. Мы скромные ребята». Вот. И мы ушли с Мишкой. Можно сесть, Раиса Ивановна?

Она встала из-за стола и подошла ко мне. Глаза у нее были серьезные и счастливые. Она сказала:

– Как это хорошо! Очень, очень рада, что вы с Мишей такие молодцы! Иди садись. Сядь. Посиди...

И я видел, что она прямо хочет меня погладить или даже поцеловать. И мне от всего этого не очень-то весело стало. И я пошёл потихоньку на своё место, и весь класс смотрел на меня, как будто я и вправду сотворил что-то особенное. И на душе у меня скребли кошки. Но в это время дверь распахнулась, и на пороге показался Мишка. Все повернулись и стали смотреть на него. А Раиса Ивановна обрадовалась.

– Входи, – сказала она, – входи, Мишук, садись. Сядь. Посиди. Успокойся. Ты ведь, конечно, тоже переволновался.

– Ещё как! – говорит Мишка. – Боялся, что вы заругаетесь.

– Ну, раз у тебя уважительная причина, – говорит Раиса Ивановна, – ты мог не волноваться. Всё-таки вы с Дениской человека спасли. Не каждый день такое бывает.

Мишка даже рот разинул. Он, видно, совершенно забыл, о чём мы с ним говорили.

– Ч-ч-человека? – говорит Мишка и даже заикается. – С...с...спасли? А кк...кк...кто спас?

Тут я понял, что Мишка сейчас всё испортит. И я решил ему помочь, чтобы натолкнуть его и чтобы он вспомнил, и так ласковенько ему улыбнулся и говорю:

– Ничего не подделаешь, Мишка, брось притворяться... Я уже всё рассказал!

И сам в это время делаю ему глаза со значением: что я уже всё наврал и чтобы он не подвёл! И я ему подмигиваю, уже прямо двумя глазами, и вдруг вижу – он вспомнил! И сразу догадался, что надо делать дальше! Вот наш милый Мишенька глазки опустил, как самый скромный на свете маменькин сынок, и таким противным, приличным голоском говорит:

– Ну зачем ты это! Ерунда какая...

И даже покраснел, как настоящий артист. Ай да Мишка! Я прямо не ожидал от него такой прыти. А он сел за парту как ни в чём не бывало и давай тетради раскладывать. И все на него смотрели с уважением, и я тоже. И наверно, этим дело бы и кончилось. Но тут чёрт всё-таки дёрнул Мишку за язык, он огляделся вокруг и ни с того ни с сего сказал:

– А он вовсе не тяжёлый был. Кило десять – пятнадцать, не больше...

Раиса Ивановна говорит:

– Кто? Кто не тяжёлый, кило десять – пятнадцать?

– Да мальчишка этот.

– Какой мальчишка?

– Да которого мы из-под льда вытащили...

– Ты что-то путаешь, – говорит Раиса Ивановна, – ведь это была девочка! И потом, откуда там лёд?

А Мишка гнёт своё:

– Как – откуда лёд? Зима, вот и лёд! Все Чистые пруды замёрзли. А мы с Дениской идём, слышим – кто-то из проруби кричит. Барахтается и пищит. Карабкается. Бултыхается и хватается руками. Ну, а лёд что? Лёд, конечно, обламывается! Ну, мы с Дениской подползли, этого мальчишку за руки, за ноги – и на берег. Ну, тут дедушка его прибежал, давай слёзы лить...

Я уже ничего не мог поделать: Мишка врал как по писаному, ещё лучше меня. А в классе уже все догадались, что он врёт и что я тоже врал, и после каждого Мишкиного слова все покатывались, а я ему делал знаки, чтобы замолчал и перестал врать, потому что он не то врал, что нужно, но куда там! Мишка никаких знаков не замечал и заливался соловьём:

– Ну, тут дедушка нам говорит: «Сейчас я вам именные часы подарю за этого мальчишку». А мы говорим: «Не надо, мы скромные ребята!»

Я не выдержал и крикнул:

– Только это был пожар! Мишка перепутал!

– Ты что, рехнулся, что ли? Какой может быть в про-
руби пожар? Это ты всё позабыл.

А в классе все падают в обморок от хохота, просто по-
мирают. Раиса Ивановна ка-ак хлопнет по столу! Все за-
молчали. А Мишка так и остался стоять с открытым ртом.

Раиса Ивановна говорит:

– Как не стыдно врать! Какой позор! И я-то их считала
хорошими ребятами!.. Продолжаем урок.

И все сразу перестали на нас смотреть. И в классе было
тихо и как-то скучно. И я написал Мишке записку: «Вот
видишь, надо было говорить правду!»

А он прислал ответ: «Ну конечно! Или говорить прав-
ду, или получше сговариваться».

СМЕРТЬ ШПИОНА ГАДЮКИНА

Оказывается, пока я болел, на улице стало совсем теп-
ло и до весенних наших каникул осталось два или три дня.
Когда я пришёл в школу, все закричали:

– Дениска пришёл, ура!

И я очень обрадовался, что пришёл, и что все ребята
сидят на своих местах – и Катя Точилина, и Мишка, и Ва-
лерка, – и цветы в горшках, и доска такая же блестящая, и
Раиса Ивановна весёлая, и всё, всё как всегда. И мы с ре-
бятами ходили и смеялись на переменке, а потом Мишка
вдруг сделал важный вид и сказал:

– А у нас будет весенний концерт!

Я сказал:

– Ну да?

Мишка сказал:

– Верно! Мы будем выступать на сцене. И ребята из
четвёртого класса нам покажут постановку. Они сами со-
чинили. Интересная!..

Я сказал:

– А ты, Мишка, будешь выступать?

– Подрастёшь – узнаешь.

И я стал с нетерпением дожидаться концерта. Дома я всё это сообщил маме, а потом сказал:

– Я тоже хочу выступать...

Мама улыбнулась и говорит:

– А что ты умеешь делать?

Я сказал:

– Как, мама, разве ты не знаешь? Я умею громко петь. Ведь я хорошо пою? Ты не смотри, что у меня тройка по пению. Всё равно я пою здорово.

Мама открыла шкаф и откуда-то из-за платьев сказала:

– Ты споёшь в другой раз. Ведь ты болел... Ты просто будешь на этом концерте зрителем. – Она вышла из-за шкафа. – Это так приятно – быть зрителем. Сидишь, смотришь, как артисты выступают... Хорошо! А в другой раз ты будешь артистом, а те, кто уже выступал, будут зрителями. Ладно?

Я сказал:

– Ладно. Тогда я буду зрителем.

И на другой день я пошёл на концерт. Мама не могла со мной идти – она дежурила в институте, – папа как раз уехал на какой-то завод на Урал, и я пошёл на концерт один. В нашем большом зале стояли стулья и была сделана сцена, и на ней висел занавес. А внизу сидел за роялем Борис Сергеевич. И мы все уселись, а по стенкам встали бабушки нашего класса. А я пока стал грызть яблоко.

Вдруг занавес открылся и появилась вожатая Люся. Она сказала громким голосом, как по радио:

– Начинаем наш весенний концерт! Сейчас ученик первого класса «В» Миша Слонов прочтёт нам свои собственные стихи! Попросим!

Тут все захлопали и на сцену вышел Мишка. Он довольно смело вышел, дошёл до середины и остановился.

Он постоял так немножко и заложил руки за спину. Опять постоял. Потом выставил вперёд левую ногу. Все ребята сидели тихо-тихо и смотрели на Мишку. А он убрал левую ногу и выставил правую. Потом он вдруг стал откашливаться:

– Кхм! Кхм!.. Кхме!..

Я сказал:

– Ты что, Мишка, поперхнулся?

Он посмотрел на меня как на незнакомого. Потом поднял глаза в потолок и сказал:

– Стих.

Пройдут года, наступит старость!
Морщины вскочут на лице!
Желаю творческих успехов!
Чтоб хорошо учились и дальше все!

...Всё!

И Мишка поклонился и полез со сцены. И все ему здорово хлопали, потому что, во-первых, стихи были очень хорошие, а во-вторых, подумать только: Мишка сам их сочинил! Просто молодец!

И тут опять вышла Люся и объявила:

– Выступает Валерий Тагилов, первый класс «В»!

Все опять захлопали ещё сильнее, а Люся поставила стул на самой серёдке. И тут вышел наш Валерка со своим маленьким аккордеоном и сел на стул, а чемодан от аккордеона поставил себе под ноги, чтобы они не болтались в воздухе. Он сел и заиграл вальс «Амурские волны». И все слушали, и я тоже слушал и всё время думал: «Как это Валерка так быстро перебирает пальцами?» И я стал тоже так быстро перебирать пальцами по воздуху, но не мог поспеть за Валеркой. А сбоку, у стены, стояла Валеркина бабушка, она помаленьку дирижировала, когда Валерка играл. И он хорошо играл, громко, мне очень понравилось. Но вдруг он в одном месте сбился. У него остановились пальцы. Валерка немножко покраснел, но опять зашевелил

пальцами, как будто дал им разбежаться, но пальцы добежали до какого-то места и опять остановились, ну просто как будто споткнулись. Валерка стал совсем красный и снова стал разбегаться, но теперь его пальцы бежали как-то боязливо, как будто знали, что они всё равно опять споткнутся, и я уже готов был лопнуть от злости, но в это время на том самом месте, где Валерка два раза спотыкался, его бабушка вдруг вытянула шею, вся подалась вперёд и запела:

...Серебрятся волны,
Серебрятся волны...

И Валерка сразу подхватил, и пальцы у него как будто перескочили через какую-то неудобную ступеньку и побежали дальше, дальше, быстро и ловко до самого конца. Вот уж ему хлопали так хлопали!

После этого на сцену выскочили шесть девочек из первого «А» и шесть мальчиков из первого «Б». У девочек в волосах были разноцветные ленты, а у мальчиков ничего не было. Они стали танцевать украинский гопак. Потом

Борис Сергеевич сильно ударил по клавишам и кончил играть.

А мальчишки и девчонки ещё топали по сцене сами, без музыки, кто как, и это было очень весело, и я уже собирался тоже слазить к ним на сцену, но они вдруг разбежались. Вышла Люся и сказала:

– Перерыв пятнадцать минут. После перерыва учащиеся четвёртого класса покажут пьесу, которую они сочинили всем коллективом, под названием «Собаке – собачья смерть».

И все задвигали стульями и пошли кто куда, а я вытащил из кармана своё яблоко и начал его догрызать.

А наша октябратская вожатая Люся стояла тут же, рядом.

Вдруг к ней подбежала довольно высокая рыженькая девочка и сказала:

– Люся, можешь себе представить – Егоров не явился!

Люся всплеснула руками:

– Не может быть! Что же делать? Кто ж будет звонить и стрелять?

Девочка сказала:

– Нужно немедленно найти какого-нибудь сообразительного паренька, мы его научим, что делать.

Тогда Люся стала смотреть по сторонам и заметила, что я стою и грызу яблоко. Она сразу обрадовалась.

– Вот, – сказала она, – Дениска! Чего же лучше! Он нам поможет! Дениска, иди сюда!

Я подошёл к ним поближе. Рыжая девочка посмотрела на меня и сказала:

– А он вправду сообразительный?

Люся говорит:

– По-моему, да!

А рыжая девочка говорит:

– А так, с первого взгляда, не скажешь.

Я сказал:

– Можешь успокоиться! Я сообразительный.

Тут они с Люсей засмеялись, и рыжая девочка потащила меня на сцену.

Там стоял мальчик из четвёртого класса, он был в чёрном костюме, и у него были засыпаны мелом волосы, как будто он седой; он держал в руках пистолет, а рядом с ним стоял другой мальчик, тоже из четвёртого класса. Этот мальчик был приклеен к бороде, на носу у него сидели синие очки, и он был в клеёнчатом плаще с поднятым воротником.

Тут же были ещё мальчики и девочки, кто с портфелем в руках, кто с чем, а одна девочка в косынке, халатике и с венником.

Я как увидел у мальчика в чёрном костюме пистолет, так сразу спросил его:

– Это настоящий?

Но рыжая девочка перебила меня.

– Слушай, Дениска! – сказала она, – Ты будешь нам помогать. Встань тут сбоку и смотри на сцену. Когда вот этот мальчик скажет: «Этого вы от меня не добьётесь, гражданин Гадюкин!» – ты сразу позвони в этот звонок. Понял?

И она протянула мне велосипедный звонок. Я взял его.

Девочка сказала:

– Ты позвонишь, как будто это телефон, а этот мальчик снимет трубку, поговорит по телефону и уйдёт со сцены. А ты стой и молчи. Понял?

Я сказал:

– Понял, понял... Чего тут не понять? А пистолет у него настоящий? Парабеллум или какой?

– погоди ты со своим пистолетом... Именно, что он не настоящий! Слушай: стрелять будешь ты здесь, за сценой. Когда вот этот, с бородой, останется один, он схватит со стола папку и кинется к окну, а этот мальчик, в чёрном костюме, в него прицелится, тогда ты возьми эту дощечку и что есть силы стукни по стулу. Вот так, только гораздо сильнее!

И рыженькая девочка бахнула по стулу доской. Получилось очень здорово, как настоящий выстрел. Мне понравилось.

– Здорово! – сказал я. – А потом?

– Это всё, – сказала девочка. – Если понял, повтори!

Я всё повторил. Слово в слово. Она сказала:

– Смотри же, не подведи!

– Можешь успокоиться. Я не подведу.

И тут раздался наш школьный звонок, как на уроки.

Я положил велосипедный звонок на отопление, прислонил дощечку к стулу, а сам стал смотреть в щёлочку занавеса. Я увидел, как пришли Раиса Ивановна и Люся, и как садились ребята, и как бабушки опять встали у стенок, а сзади чей-то папа взгромоздился на табуретку и начал наводить на сцену фотоаппарат. Было очень интересно отсюда смотреть туда, гораздо интересней, чем оттуда сюда. Постепенно все стали затихать, и девочка, которая меня привела, побежала на другую сторону сцены и потянула за верёвку. И занавес открылся, и эта девочка спрыгнула в зал. А на сцене стоял стол, и за ним сидел мальчик в чёрном костюме, и я знал, что в кармане у него пистолет. А

напротив этого мальчика ходил мальчик с бородой. Он сначала рассказал, что долго жил за границей, а теперь вот приехал опять, и потом стал нудным голосом приставать и просить, чтобы мальчик в чёрном костюме показал ему план аэродрома. Но тот сказал:

– Этого вы от меня не добьётесь, гражданин Гадюкин!

Тут я сразу вспомнил про звонок и протянул руку к отоплению. Но звонка там не было. Я подумал, что он упал на пол, и наклонился посмотреть. Но его не было и на полу. Я даже весь обомлел. Потом я взглянул на сцену. Там было тихо-тихо. Но потом мальчик в чёрном костюме подумал и снова сказал:

– Этого вы от меня не добьётесь, гражданин Гадюкин!

Я просто не знал, что делать. Где звонок? Он только что был здесь! Не мог же он сам ускакать, как лягушка! Может быть, он скатился за батарею? Я присел на корточки и стал шарить по пыли за батареей. Звонка не было! Нету!.. Люди добрые, что же делать?!

А на сцене бородатый мальчик стал ломать себе пальцы и кричать:

– Я вас пятый раз умоляю! Покажите план аэродрома!

А мальчик в чёрном костюме повернулся ко мне лицом и закричал страшным голосом:

– Этого вы от меня не добьётесь, гражданин Гадюкин!

И погрозил мне кулаком. И бородатый тоже погрозил мне кулаком. Они оба мне грозили!

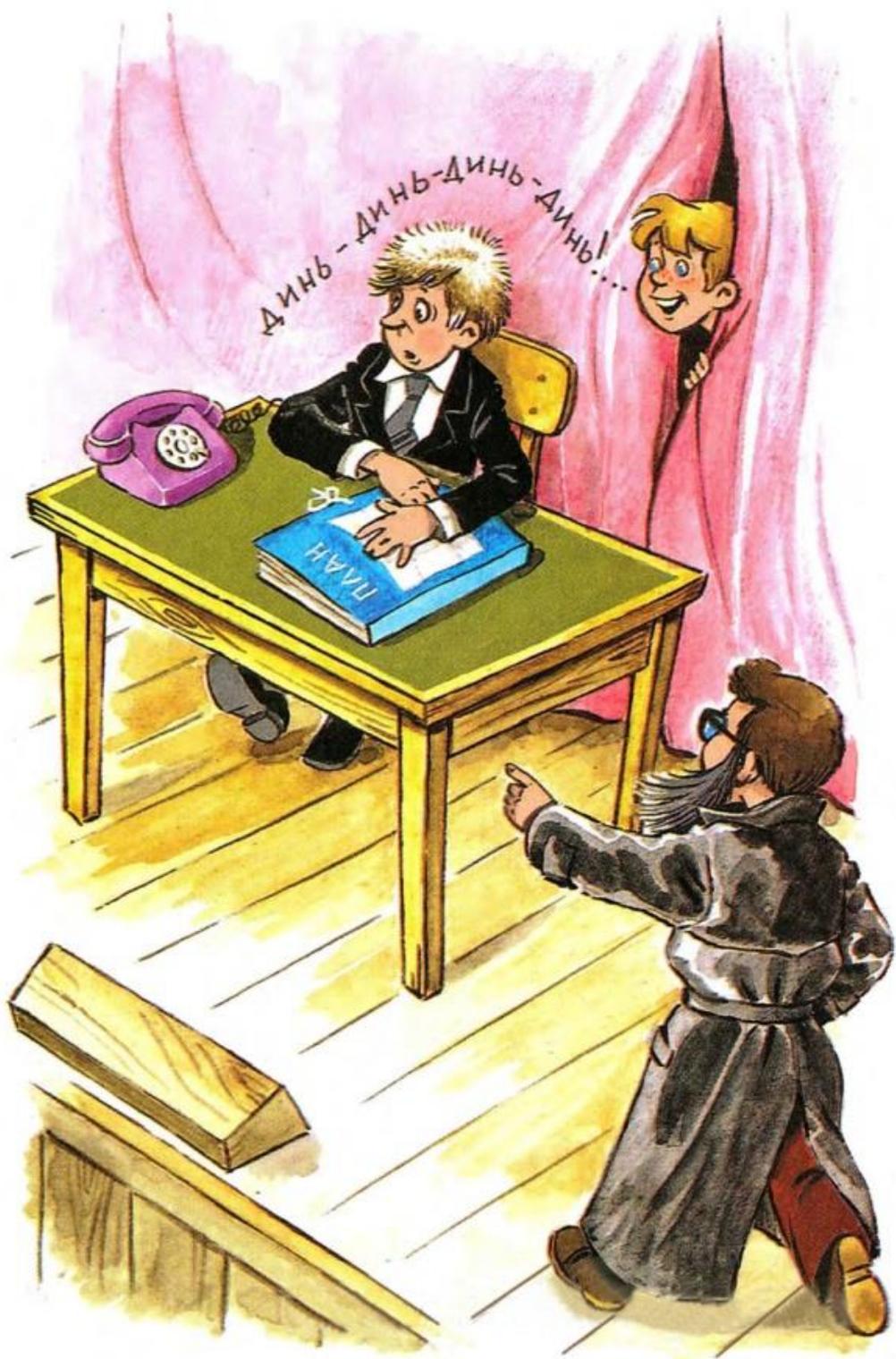
Я подумал, что они меня убьют. Но ведь не было звонка! Звонка-то не было! Он же потерялся!

Тогда мальчик в чёрном костюме схватился за волосы и сказал, глядя на меня с умоляющим выражением лица:

– Сейчас, наверно, позвонит телефон! Вот увидите, сейчас позвонит телефон! Сейчас позвонит!

И тут меня осенило. Я высунул голову на сцену и быстро сказал:

– Динь-динь-динь!

И все в зале страшно рассмеялись. Но мальчик в чёрном костюме очень обрадовался и сразу схватился на трубку. Он весело сказал:

– Слушаю вас! – и вытер пот со лба.

А дальше всё пошло как по маслу. Мальчик в чёрном встал и сказал бородатому:

– Меня вызывают. Я приеду через несколько минут.

И ушёл со сцены. И встал на другой стороне. И тут мальчик с бородой пошёл на цыпочках к его столу и стал там рыться и всё время оглядывался. Потом он злорадно рассмеялся, схватил какую-то папку и побежал к задней стене, на которой было наклеено картонное окно. Тут выбежал другой мальчик и стал в него целиться из пистолета. Я сразу схватил доску да как трахну по стулу изо всех сил. А на стуле сидела какая-то посторонняя кошка. Она закричала диким голосом, потому что я попал ей по хвосту. Выстрела не получилось, зато кошка поскакала на сцену. А мальчик в чёрном костюме бросился на бородатого и стал душить. Кошка носилась между ними. Пока мальчики боролись, у бородатого отвалилась борода. Кошка решила, что это мышь, схватила её и убежала. А мальчик как только увидел, что он остался без бороды, так сразу лёг на пол – как будто умер. Тут на сцену прибежали остальные ребята из четвёртого класса, кто с портфелем, кто с веником, они все стали спрашивать:

– Кто стрелял? Что за выстрелы?

А никто не стрелял. Просто кошка подвернулась и всему помешала. Но мальчик в чёрном костюме сказал:

– Это я убил шпиона Гадюкина!

И тут рыженькая девочка закрыла занавес. И все, кто был в зале, хлопали так сильно, что у меня заболела голова. Я быстренько спустился в раздевалку, оделся и побежал домой. А когда я бежал, мне всё время что-то мешало. Я остановился, полез в карман и вынул оттуда... велосипедный звонок!

Я сидел на подоконнике, натянув рубашку на колени, потому что штаны были у мамы.

– Нет, – сказала мама и отодвинула в сторону нитки с иголкой. – Я не могу больше с этим мальчишкой!

– Да, – сказал папа и сложил газету. – На нём черти рвут, он лазает по заборам, он скачет по деревьям и носится по крышам. На него не напасёшься!

Папа помолчал, зловеще поглядел на меня и наконец решительно объявил:

– Но я наконец, придумал средство, которое раз и навсегда избавит нас от этого бедствия.

– Я не нарочно, – сказал я. – Что я, нарочно, что ли, да? Оно само.

– Конечно, оно само, – ядовито сказала мама. – У твоих штанов такой скверный характер, что они нарочно целыми днями подстерегают каждый гвоздик, цепляются за него и потом рвутся специально для того, чтобы позлить твою маму. Вот какие коварные штаны! Оно само! Оно само!

Мама могла так кричать «оно само» до утра, потому что у неё уже разыгрались нервы, это было видно невороужённым глазом. Поэтому я сказал папе:

– Ну, так что же ты придумал?

Папа сделал строгое лицо и сказал маме:

– Тебе нужно напрячь все свои способности и изобрести аппарат, который обеспечивал бы тебе наблюдение за твоим сыном в часы отсутствия. Мне сегодня некогда, сегодня «Спартак» – «Торпедо», а ты, ты садись к столу и, не теряя времени, изобрети сейчас же подзорную трубу. У тебя это очень хорошо получится, я знаю, что ты человек в этом отношении весьма талантливый.

Папа встал, порылся у себя в столе и положил перед мамой маленькое зеркальце с отбитым уголком, довольно большой магнит и несколько разных гвоздочков, пуговицу и ещё чего-то.

– Вот, – сказал он, – это тебе необходимые материалы. В поиск, смелые и любознательные!

Мама проводила его к дверям, потом вернулась и отпустила и меня во двор погулять. А когда мы вечером все сошлись за ужином, у мамы были перепачканы клеём пальцы, и на столе лежала довольно симпатичная синенькая и толстая труба. Мама взяла её, издалека показала мне и сказала:

– Ну, Денис, смотри внимательно!

– Это что? – спросил я.

– Это подзорная труба! Моё изобретение! – ответила она.

Я сказал:

– Окрестности озирать?

Она улыбнулась:

– Никакие не окрестности! А за тобой присматривать.

Я сказал:

– А как?

– А очень просто! – сказала мама, – Я изобрела и сконструировала подзорную трубу для родителей, вроде подзорной трубы для моряков, только гораздо лучше.

Папа сказал:

– Ты объясни, пожалуйста, популярно, в чём тут дело, какие принципы положены в основу изобретения, какие проблемы оно решает, ну, и так далее. Прошу!

Мама встала у стола, как учительница у доски, и заговорила докладческим голосом:

– Теперь, когда я буду уходить из дому, я всегда буду видеть тебя, Денис. Я могу удаляться от дома на расстояние от пяти до восьми километров, но чуть я почувствую, что давно тебя не видела и что мне интересно, что ты сейчас вытворяешь, я сразу – чик! Направляю свою трубу в сторону нашего дома – и готово! – вижу тебя во весь рост.

Папа сказал:

– Отлично! Эффект Шницель-Птуцера!

Тут я немножко оторопел. Я никогда не думал, что мама может изобрести такую штуку. Ведь такая с виду хуленькая, а смотри-ка! Эффект Шницель-Птуцера!

Я сказал:

– А как же, мама, ты будешь знать, где наш дом?

Она ответила, нисколько не задумываясь:

– А у меня в трубе сидит компасный магнит. Он всегда показывает на наш дом.

– Реакция Бабкина-Няньского, – сказал папа.

– Совершенно верно, – продолжала мама. – Таким образом, если ты, Денис, заберёшься на забор или ещё куда, это мне сразу будет видно.

Я сказал:

– А там у тебя что? Экран, что ли?

Она ответила:

– Конечно. Помнишь зеркальце? Оно отбрасывает твоё изображение прямо мне внутрь головы. Я сразу вижу, стреляешь ты из рогатки или просто так мяч гоняешь, безо всякого смысла.

– Обыкновенный закон Кранца-Ничиханца. Ничего особенного, – проворчал папа и вдруг, оживившись, спросил: – Прости, прости, пожалуйста, я перебыю тебя. Один вопросик можно?

– Да, задавай, – сказала мама.

– Твоя подзорная труба что, она работает на электричестве или на полупроводниках?

– На электричестве, – сказала мама.

– О, тогда я тебя предупреждаю, – сказал папа, – ты берегись замыканий. А то где-нибудь замкнёт, и у тебя в мозгах произойдёт вспышка.

– Не произойдёт, – сказала мама. – А предохранитель на что?

– Ну, тогда другое дело, – сказал папа. – Но ты всё-таки поглядывай, а то, знаешь, я буду волноваться.

Я сказал:

– Ну, а ты можешь сделать такую штуку для меня? Чтобы и я мог за тобой присматривать?

– А это зачем? – снова улыбнулась мама. – Я-то уж наверняка не полезу на забор!

– Это ещё не известно, – сказал я, – может быть, на забор ты и не станешь карабкаться, но, может быть, ты за машины цепляешься? Или скачешь перед ними, как коза?

– Или с дворниками дерёшься? И вступаешь в пререкания с милицией? – поддержал меня папа и вздохнул: – Да, жалко, нет у нас такой машинки, чтобы нам за тобой наблюдать...

Но мама показала нам язык:

– Изобретено и выполнено в единственном экземпляре, что, взяли? – Она повернулась ко мне: – Так что знай, теперь я всё время держу тебя под своим неусыпным контролем!

И я подумал, что при таком изобретении у меня начинается довольно кислая жизнь. Но ничего не сказал, а кивнул головой и потом пошёл спать. А когда проснулся и стал жить, то понял, что для меня наступили чёрные дни. При мамином изобретении получалось, что моя жизнь превращается в сплошное мучение. Вот, например,образишь, что Костик за последнее время уж очень разнахалился и самая пора ему как следует накостылять по шее, а вот не решаешься, так и кажется, что подзорная мамина труба уставилась тебе прямо в спину. И наподдать Костику как следует просто невозможно в таких условиях. Я уж не говорю о том, что я вообще перестал ходить на Чистые пруды, чтобы ловить там себе головастика полные карманы. И вся моя счастливая, весёлая прежняя жизнь теперь стала запретной для меня. И так тоскливо тянулись мои дни, что я таял, как свеча, и места себе не находил. И дело, уж наверное, просто приближалось к печальному концу, как вдруг однажды, когда мама ушла, я стал искать свою старую футбольную камеру, и в ящике, где у меня

хранится всякая утильная хурда-бурда, я вдруг увидел... мамину подозрную трубу! Да, она лежала среди прочего мусора, какая-то осиротелая, облупившаяся, тусклая. По всему было видно, что мама уже давно ею не пользуется, что она про неё и думать-то забыла. Я схватил её и расковырял поскорее, чтобы взглянуть, что у неё там внутри, как она устроена, но, честное слово, она была пустая, в ней ничего не было. Пусто, хоть шаром покати!

Только тут я догадался, что эти люди обманули меня и что мама ничего не изобрела, а просто так, пугала меня своей ненастоящей трубой, и я, как доверчивый дурачок, верил ей и боялся, и вёл себя, как приличный отличник. И от этого всего я так обиделся на весь свет, и на маму, и на папу, и на все эти дела, что я выбежал сразу во двор как угорелый и затеял там великую срочную драку с Кости́ком, и с Андриюшкой, и с Алёнкой. И хотя они втроём прекрасно меня отлупили, всё равно настроение у меня было отличное, и после драки мы все вчетвером лазали на чердак и на крышу, а потом карабкались на деревья, а потом спустились в подвал, в котельную, в самый уголь, и извозились там просто до умопомрачения. И всё это время я чувствовал, что у меня словно камень с души свалился. И хорошо было, и свободно на душе, и легко, и весело, как на Первое мая.

Никогда я не забуду этот зимний вечер. На дворе было холодно, ветер тянул сильный, прямо резал щёки, как кинжалом, снег вертелся со страшной быстротой. Тоскливо было и скучно, просто выть хотелось, а тут ещё папа и мама ушли в кино. И когда Мишка позвонил по телефону и позвал меня к себе, я тотчас же оделся и помчался к нему. Там было светло и тепло и собралось много народу, пришла Алёнка, за нею Костик и Андрюшка. Мы играли во все игры, и было весело и шумно. И под конец Алёнка вдруг сказала:

– А теперь в прятки! Давайте в прятки!

И мы стали играть в прятки. Это было прекрасно, потому что мы с Мишкой всё время подстраивали так, чтобы водить выпадало маленьким: Костику или Алёнке, – а сами всё время прятались и вообще водили малышей за нос. Но все наши игры проходили только в Мишкиной комнате, и это довольно скоро нам стало надоедать, потому что комната была маленькая, тесная и мы всё время прятались за портьеру, или за шкаф, или за сундук, и в конце концов мы стали потихоньку выплёскиваться из Мишкиной комнаты и заполнили своей игрой большущий длинный коридор квартиры.

В коридоре было интереснее играть, потому что возле каждой двери стояли вешалки, а на них висели пальто и шубы. Это было гораздо лучше для нас, потому что, например, кто водит и ищет нас, тот, уж конечно, не сразу догадается, что я притаился за Марьсемёниной шубой и сам влез в валенки как раз под шубой.

И вот, когда водить выпало Костику, он отвернулся к стене и стал громко выкрикивать:

– Раз! Два! Три! Четыре! Пять! Я иду искать!

Тут все брызнули в разные стороны, кто куда, чтобы прятаться. А Костик немножко подождал и крикнул снова:

– Раз! Два! Три! Четыре! Пять! Я иду искать! Опять!

Это считалось как бы вторым звонком. Мишка сейчас же залез на подоконник, Алёнка – за шкаф, а мы с Андрюшкой выскользнули в коридор. Тут Андрюшка недолго думая полез под шубу Марьи Семёновны, где я всё время прятался, и оказалось, что я остался без места! И я хотел дать Андрюшке подзатыльник, чтобы он освободил моё место, но тут Костик крикнул третье предупреждение:

– Пора не пора, я иду со двора!

И я испугался, что он меня сейчас увидит, потому что я совершенно не спрятался, и я заметался по коридору туда-сюда как подстреленный заяц. И тут в самое нужное время я увидел раскрытую дверь и вскочил в неё.

Это была какая-то комната, и в ней на самом видном месте, у стены, стояла кровать, высокая и широкая, так что я моментально нырнул под эту кровать. Там был приятный полумрак и лежало довольно много вещей, и я стал сейчас же их рассматривать. Во-первых, под этой кроватью было очень много туфель разных фасонов, но все довольно старые, а ещё стоял плоский деревянный чемодан, а на чемодане стояло алюминиевое корыто вверх тормашками, и я устроился очень удобно: голову на корыто, чемодан под поясницей – очень ловко и уютно. Я рассматривал разные тапочки и шлёпанцы и всё время думал, как это здорово я спрятался и сколько смеху будет, когда Костик меня тут найдёт.

Я отогнул немножко кончик одеяла, которое свешивалось со всех сторон до пола и закрывало от меня всю комнату: я хотел глядеть на дверь, чтобы видеть, как Костик войдёт и будет меня искать. Но в это время в комнату вошёл никакой не Костик, а вошла Ефросинья Петровна, симпатичная старушка, но немножко похожая на бабу-ягу.

Она вошла, вытирая руки о полотенце.

Я всё время потихоньку наблюдал за нею, думал, что она обрадуется, когда увидит, как Костик вытащит меня

из-под кровати. А я ещё для смеху возьму какую-нибудь её туфлю в зубы, она тогда наверняка упадёт от смеха. Я был уверен, что вот ещё секунда или две промелькнут, и Костик обязательно меня обнаружит. Поэтому я сам всё время смеялся про себя, без звука.

У меня было чудесное настроение. И я всё время поглядывал на Ефросинью Петровну. А она тем временем очень спокойно подошла к двери и ни с того ни с сего плотно захлопнула её. А потом, гляжу, повернула ключик – и готово! Заперлась. Ото всех заперлась! Вместо со мной и корытом. Заперлась на два оборота.

В комнате сразу стало как-то тихо и зловеще. Но тут я подумал, что это она заперлась не надолго, а на минутку, и сейчас отопрёт дверь, и всё пойдёт как по маслу, и опять будет смех и радость, и Костик будет просто счастлив, что вот он в таком трудном месте меня отыскал! Поэтому я хотя и оробел, но не до конца, и всё продолжал посматривать на Ефросинью Петровну, что же она будет делать дальше.

А она села на кровать, и надо мной запели и заскрежетали пружины, и я увидел её ноги. Она одну за другой скинула с себя туфли и прямо в одних чулках подошла к двери, и у меня от радости заколотилось сердце.

Я был уверен, что она сейчас отопрёт замок, но не тут-то было. Можете себе представить, она – чик! – и погасила свет. И я услышал, как опять завыли пружины над моей головой, а кругом кромешная тьма, и Ефросинья Петровна лежит в своей постели и не знает, что я тоже здесь, под кроватью. Я понял, что попал в скверную историю, что теперь я в заточении, в ловушке.

Сколько я буду тут лежать? Счастье, если час или два! А если до утра? А как утром вылезать? А если я не приду домой, папа и мама обязательно сообщат в милицию. А милиция придёт с собакой-ищейкой. По кличке Мухтар. А если в нашей милиции никаких собак нету? И если мили-

ция меня не найдёт? А если Ефросинья Петровна проспит до самого утра, а утром пойдёт в свой любимый сквер сидеть целый день и снова запрет меня, уходя? Тогда как? Я, конечно, поем немножко из её буфета, и, когда она придёт, придётся мне лезть под кровать, потому что я съел её продукты и она отдаст меня под суд! И чтобы избежать позора, я буду жить под кроватью целую вечность? Ведь это самый настоящий кошмар! Конечно, тут есть тот плюс, что я всю школу просижу под кроватью, но как быть с аттестатом, вот в чём вопрос. С аттестатом зрелости! Я под кроватью за двадцать лет не то что созрею, я там вполне перезрею.

Тут я не выдержал и со злости как трахнул кулаком по корыту, на котором лежала моя голова! Раздался ужасный грохот! И в этой страшной тишине при погашенном свете и в таком моём жутком положении мне этот стук показался раз в двадцать сильнее. Он просто оглушил меня.

И у меня сердце замерло от испуга. А Ефросинья Петровна надо мной, видно, проснулась от этого грохота. Она, наверное, давно спала мирным сном, а тут пожалуйста — тах-тах из-под кровати! Она полежала маленько, отдышалась и вдруг спросила темноту слабым и испуганным голосом:

– Ка-ра-ул?!

Я хотел ей ответить: «Что вы, Ефросинья Петровна, какое там «караул»? Спите дальше, это я, Дениска!» Я всё это хотел ей ответить, но вдруг вместо ответа как чихну во всю ивановскую, да ещё с хвостиком:

– Апчхи! Чхи! Чхи! Чхи!..

Там, наверное, пыль поднялась под кроватью ото всей этой возни, но Ефросинья Петровна после моего чиханья убедилась, что под кроватью происходит что-то неладное, здорово перепугалась и закричала уже не с вопросом, а совершенно утвердительно:

– Караул!

И я, непонятно почему, вдруг опять чихнул изо всех сил, с каким-то даже подвыванием чихнул, вот так:

– Апчхи-уу!

Ефросинья Петровна как услышала этот вой, так закричала ещё тише и слабей:

– Грабят!..

И видно, сама подумала, что если грабят, так это ерунда, не страшно. А вот если... И тут она довольно громко завопила:

– Режут!

Вот какое враньё! Кто её режет? И за что? И чем? Разве можно по ночам кричать неправду? Поэтому я решил, что пора кончать это дело, и раз она всё равно не спит, мне надо вылезать.

И всё подо мной загремело, особенно корыто, ведь я в

темноте не вижу. Грохот стоит дьявольский, а Ефросинья Петровна уже слегка помешалась и кричит какие-то странные слова:

– Грабаул! Караулят!

А я выскочил, и по стене шарю, где тут выключатель, и нашёл вместо выключателя ключ, и обрадовался, что это дверь. Я повернул ключ, но оказалось, что я открыл дверь от шкафа, и я тут же перевалился через порог этой двери, и стою, и тычусь в разные стороны, и только слышу, мне на голову разное барахло падает.

Ефросинья Петровна пищит, а я совсем онемел от страха, а тут кто-то забарабанил в настоящую дверь!

– Эй, Дениска! Выходи сейчас же! Ефросинья Петровна! Отдайте Дениску, за ним его папа пришёл!

И папин голос:

– Скажите, пожалуйста, у вас нет моего сына?

Тут вспыхнул свет. Открылась дверь. И вся наша компания ввалилась в комнату. Они стали бегать по комнате, меня искать, а когда я вышел из шкафа, на мне было две шляпки и три платья.

Папа сказал:

– Что с тобой было? Где ты пропадал?

Костик и Мишка сказали тоже:

– Где ты был, что с тобой приключилось? Рассказывай!

Но я молчал. У меня было такое чувство, что я и в самом деле просидел под кроватью ровно двадцать лет.

«ТИХА УКРАИНСКАЯ НОЧЬ...»

Наша преподавательница литературы Раиса Ивановна заболела. И вместо неё к нам пришла Елизавета Николаевна. Вообще-то Елизавета Николаевна занимается с нами географией и естествознанием, но сегодня был исключительный случай, и наш директор упросил её заменить захворавшую Раису Ивановну.

Вот Елизавета Николаевна пришла. Мы поздоровались с нею, и она уселась за учительский столик. Она, значит, уселась, а мы с Мишкой стали продолжать наше сражение – у нас теперь в моде военно-морская игра. К самому приходу Елизаветы Николаевны перевес в этом матче определился в мою пользу: я уже протаранил Мишкиного эсминца и вывел из строя три его подводные лодки. Теперь мне осталось только разведать, куда задевался его линкор. Я пошевелил мозгами и уже открыл было рот, чтобы сообщить Мишке свой ход, но Елизавета Николаевна в это время заглянула в журнал и произнесла:

– Кораблёв!

Мишка тотчас прошептал:

– Прямое попадание!

Я встал.

Елизавета Николаевна сказала:

– Иди к доске!

Мишка снова прошептал:

– Прощай, дорогой товарищ!

И сделал «надгробное» лицо.

И я пошёл к доске. Елизавета Николаевна сказала:

– Дениска, стой ровнее! И расскажи-ка мне, что вы сейчас проходите по литературе.

– Мы «Полтаву» проходим, Елизавета Николаевна, – сказал я.

– Назови автора, – сказала она; видно было, что она тревожится, знаю ли я.

– Пушкин, Пушкин, – сказал я успокоительно.

– Так, – сказала она, – великий Пушкин, Александр Сергеевич, автор замечательной поэмы «Полтава». Верно. Ну, скажи-ка, а ты какой-нибудь отрывок из этой поэмы выучил?

– Конечно, – сказал я.

– Какой же ты выучил? – спросила Елизавета Николаевна.

– «Тиха украинская ночь...»

– Прекрасно, – сказала Елизавета Николаевна и прямо расцвела от удовольствия. – «Тиха украинская ночь...» – это как раз одно из моих любимых мест! Читай, Кораблёв.

Одно из её любимых мест! Вот это здорово! Да ведь это и моё любимое, место! Я его, ещё когда маленький был, выучил. И с тех пор, когда я читаю эти стихи, всё равно вслух или про себя, мне всякий раз почему-то кажется, что хотя я сейчас и читаю их, но это кто-то другой читает, не я, а настоящий-то я стою на тёплом, нагретом за день деревянном крылечке, в одной рубашке и босиком, и почти сплю, и клюю носом, и шатаюсь, но всё-таки вижу всю эту удивительную красоту: и спящий маленький городок с его серебряными тополями; и вижу белую церковь, как она тоже спит и плывёт на кудрявом облачке передо мною, а наверху звёзды, они стрекочут и насвистывают, как кузнечики; а где-то у моих ног спит и перебирает лапками во сне толстый, налитой молоком щенок, которого нет в этих стихах. Но я хочу, чтобы он был, а рядом на крылечке сидит и вздыхает мой дедушка с лёгкими волосами, его тоже нет в этих стихах, я его никогда не видел, он погиб на войне, его нет на свете, но я его так люблю, что у меня теснит сердце...

– Читай, Денис, что же ты! – повысила голос Елизавета Николаевна.

И я встал поудобней и начал читать. И опять сквозь меня прошли эти странные чувства. Я старался только, чтобы голос у меня не дрожал.

...Тиха украинская ночь.

Прозрачно небо. Звёзды блещут.

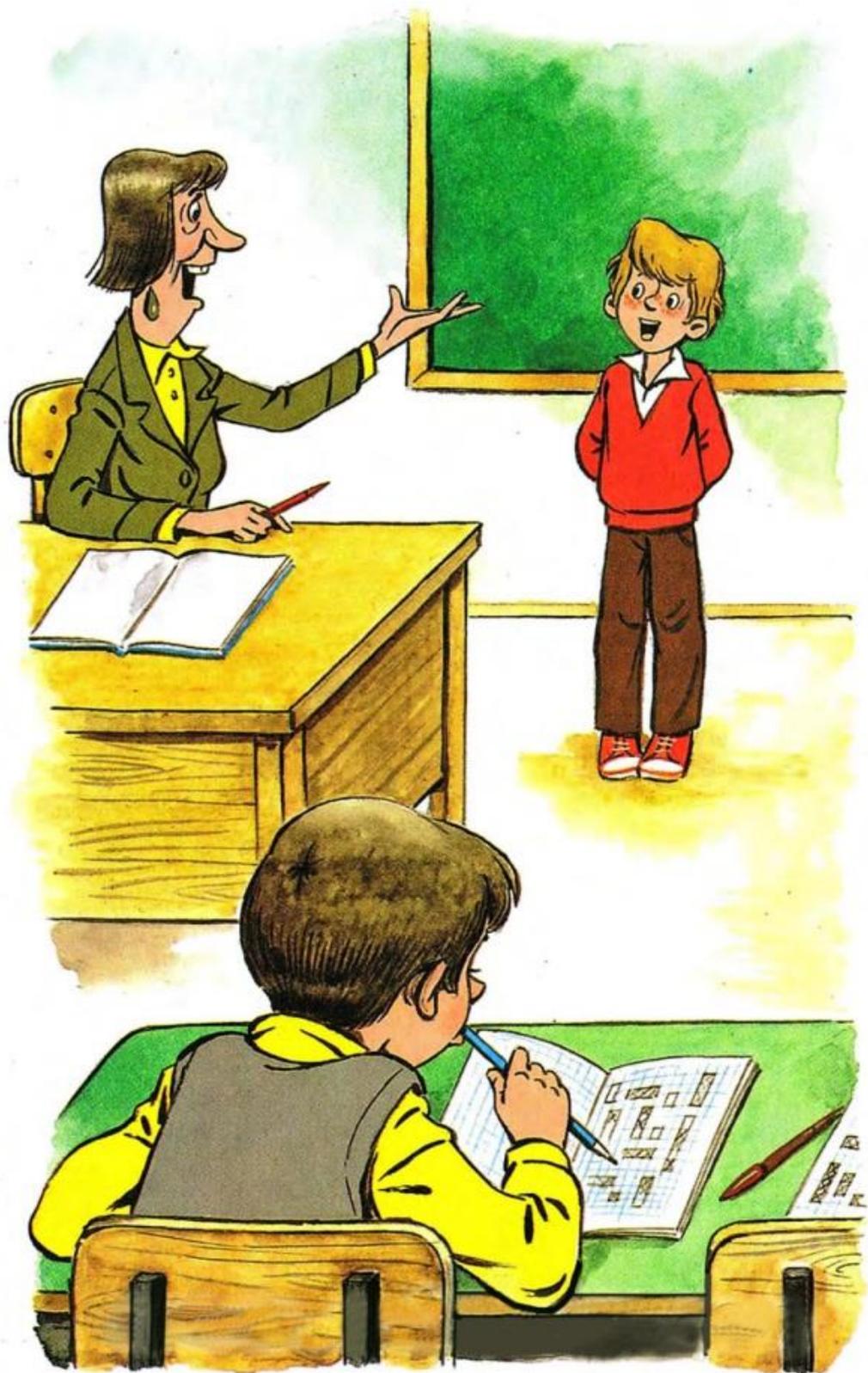
Своей дремоты превозмочь

Не хочет воздух. Чуть трепещут

Сребристых тополей листы.

Луна спокойно с высоты

Над Белой Церковью сияет...

– Стоп, стоп, довольно! – перебила меня Елизавета Николаевна. – Да, велик Пушкин, огромен! Ну-ка, Кораблёв, теперь скажи-ка мне, что ты понял из этих стихов?

Эх, зачем она меня перебила! Ведь стихи были ещё здесь, во мне, а она остановила меня на полном ходу. Я ещё не опомнился! Поэтому я притворился, что не понял вопроса, и сказал:

– Что? Кто? Я?

– Да, ты. Ну-ка, что ты понял?

– Всё, – сказал я. – Я понял всё. Луна. Церковь. Тополя. Все спят.

– Ну... – недовольно протянула Елизавета Николаевна, – это ты немножко поверхностно понял... Надо глубже понимать. Не маленький. Ведь это Пушкин...

– А как, – спросил я, – как надо Пушкина понимать? – И я сделал недотёпистое лицо.

– Ну давай по фразам, – с досадой сказала она. – Раз уж ты такой. «Тиха украинская ночь...» Как ты это понял?

– Я понял, что тихая ночь.

– Нет, – сказала Елизавета Николаевна. – Пойми же ты, что в словах «Тиха украинская ночь» удивительно тонко подмечено, что Украина находится в стороне от центра перемещения континентальных масс воздуха. Вот что тебе нужно понимать и знать, Кораблёв! Договорились? Читай дальше!

– «Прозрачно небо», – сказал я, – небо, значит, прозрачное. Ясное. Прозрачное небо. Так и написано: «Небо прозрачно».

– Эх, Кораблёв, Кораблёв, – грустно и как-то безнадежно сказала Елизавета Николаевна. – Ну что ты, как попка, затвердил: «Прозрачно небо, прозрачно небо». Заладил. А ведь в этих двух словах скрыто огромное содержание. В этих двух как бы ничего не значащих словах Пушкин рассказал нам, что количество выпадающих осадков в этом районе весьма незначительно, благодаря чему

мы и можем наблюдать безоблачное небо. Теперь ты понимаешь, какова сила пушкинского таланта? Давай дальше.

Но мне уже почему-то не хотелось читать. Как-то всё сразу надоело. И поэтому я наскоро пробормотал:

...Звёзды блещут.
Своей дремоты превозмочь
Не хочет воздух...

– А почему? – оживилась Елизавета Николаевна.

– Что почему? – сказал я.

– Почему он не хочет? – повторила она.

– Что не хочет?

– Дремоты превозмочь.

– Кто?

– Воздух.

– Какой?

– Как какой – украинский! Ты ведь сам только сейчас говорил: «Своей дремоты превозмочь не хочет воздух...» Так почему же он не хочет?

– Не хочет, и все, – сказал я с сердцем. – Просыпаться не хочет! Хочет дремать, и все дела!

– Ну нет, – рассердилась Елизавета Николаевна и проводила перед моим носом указательным пальцем из стороны в сторону. Получалось, как будто она хочет сказать: «Эти номера у вашего воздуха не пройдут». – Ну нет, – повторила она. – Здесь дело в том, что Пушкин намекает на тот факт, что на Украине находится небольшой циклонический центр с давлением около семисот сорока миллиметров. А как известно, воздух в циклоне движется от краёв к середине. И именно это явление и вдохновило поэта на бессмертные строки: «Чуть трепещут, м-м-м... м-м-м, каких-то тополей листы!» Понял, Кораблёв? Усвоил! Садись!

И я сел. А после урока Мишка вдруг отвернулся от меня, покраснел и сказал:

– А моё любимое – про сосну: «На севере диком стоит одиноко на голой вершине сосна...» Знаешь?

– Знаю, конечно, – сказал я. – Как не знать?

Я выдал ему «научное» лицо.

– «На севере диком» – этими словами Лермонтов сообщил нам, что сосна, как ни крути, а всё-таки довольно морозоустойчивое растение. А фраза «стоит на голой вершине» дополняет, что сосна к тому же обладает сверхмощным стержневым корнем...

Мишка с испугом глянул на меня. А я на него. А потом мы расхохотались. И хохотали долго, как безумные. Всю перемену.

Один раз был обыкновенный день. Я пришёл из школы, поел и влез на подоконник. Мне давно уже хотелось посидеть у окна, поглядеть на прохожих и самому ничего не делать. А сейчас для этого был подходящий момент. И я сел на подоконник и принялся ничего не делать. В эту же минуту в комнату влетел папа.

Он сказал:

– Скучаешь?

Я ответил:

– Да нет... Так... А когда же наконец мама приедет? Нету уже целых десять дней!

Папа сказал:

– Держись за окно! Покрепче держись, а то сейчас полетишь вверх тормашками.

Я на всякий случай уцепился за оконную ручку и сказал:

– А в чём дело?

Он отступил на шаг, вынул из кармана какую-то бумажку, помахал ею издалека и объявил:

– Через час мама приезжает! Вот телеграмма! Я прямо с работы прибежал, чтобы тебе сказать! Обедать не будем, пообедаем все вместе, я побегу её встречать, а ты приberi комнату и дожидайся нас! Договорились?

Я мигом соскочил с окна:

– Конечно, договорились! Урра! Беги, папа, пулей, а я приберусь! Минута – и готово! Наведу шик и блеск! Беги, не теряй времени, вези поскорее маму!

Папа метнулся к дверям. А я стал работать. У меня начался аврал, как на океанском корабле. Аврал – это большая приборка, а тут как раз стихия улеглась, на волнах тишина, – называется штиль, а мы, матросы, делаем своё дело.

– Раз, два! Ширк-шарк! Стулья по местам! Смирно

стоять! Веник-совок! Подметать – живо! Товарищ пол, что это за вид? Блестеть! Сейчас же! Так! Обед! Слушай мою команду! На плиту, справа по одному повзводно, кастрюля за сковородкой – становись! Раз-два! За-певай:

Папа только спичкой
чирк!

И огонь сейчас же
фырк!

Продолжайте разогреваться! Вот. Вот какой я молодец! Помощник! Гордиться нужно таким ребёнком! Я когда вырасту, знаете кем буду? Я буду – ого! Я буду даже огого! Огогугаго! Вот кем я буду!

И я так долго играл и выхвалялся напропалую, чтобы не скучно было ждать маму с папой. И в конце концов дверь распахнулась, и в неё снова влетел папа! Он уже вернулся и был весь взбудораженный, шляпа на затылке! И он один изображал целый духовой оркестр, и дирижёра этого оркестра заодно. Папа размахивал руками.

– Дзум-дзум! – выкрикивал папа, и я понял, что это бьют огромные турецкие барабаны в честь маминого приезда. – Пыйхь-пыйхь! – поддавали жару медные тарелки.

Дальше началась уже какая-то кошачья музыка. Закричал сводный хор в составе ста человек. Папа пел за всю эту сотню, но так как дверь за папой была открыта, я выбежал в коридор, чтобы встретить маму.

Она стояла возле вешалки с каким-то свёртком на руках. Когда она меня увидела, она мне ласково улыбнулась и тихо сказала:

– Здравствуй, мой мальчик! Как ты тут поживал без меня?

Я сказал:

– Я скучал без тебя.

Мама сказала:

– А я тебе сюрприз привезла!

Я сказал:

– Самолёт?

Мама сказала:

– Посмотри-ка!

Мы говорили с ней очень тихо. Мама протянула мне свёрток. Я взял его.

– Что это, мама? – спросил я.

– Это твоя сестрёнка Ксения, – всё так же тихо сказала мама.

Я молчал.

Тогда мама отвернула кружевную простынку, и я увидел лицо моей сестры. Оно было маленькое, и на нём ничего не было видно. Я держал её на руках изо всех сил.

– Дзум-бум-трум, – неожиданно появился из комнаты папа рядом со мной.

Его оркестр всё ещё гремел.

– Внимание, – сказал папа дикторским голосом, – мальчику Дениске вручается сестрёнка Ксения. Длина от пяток до головы пятьдесят сантиметров, от головы до пяток – пятьдесят пять! Чистый вес три кило двести пятьдесят граммов, не считая тары.

Он сел передо мной на корточки и подставил руки под мои, наверно, боялся, что я уроню Ксению. Он спросил у мамы своим нормальным голосом:

– А на кого она похожа?

– На тебя, – сказала мама.

– А вот и нет! – воскликнул папа. – Она в своей косыночке очень смахивает на симпатичную народную артистку республики Корчагину-Александровскую, которую я очень любил в молодости. Вообще я заметил, что маленькие детки в первые дни своей жизни все бывают очень похожи на прославленную Корчагину-Александровскую. Особенно похож носик. Носик прямо бросается в глаза.

Я всё стоял со своей сестрой Ксенией на руках, как дурень с писаной торбой, и улыбался.

Мама сказала с тревогой:

– Осторожно, умоляю, Денис, не урони.

Я сказал:

– Ты что, мама? Не беспокойся! Я целый детский велосипед выжимаю одной левой, неужели же я уроню такую чепуху?

А папа сказал:

– Вечером купать будем! Готовься!

Он взял у меня свёрток, в котором была Ксенька, и пошёл. Я пошёл за ним, а за мной мама. Мы положили Ксеньку в выдвинутый ящик от комода, и она там лежала спокойно. Папа сказал:

– Это пока, на одну ночь. А завтра я куплю ей кроватку, и она будет спать в кроватке. А ты, Денис, следи за ключами, как бы кто не запер твою сестрёнку в комод. Будем потом искать, куда подевалась...

И мы сели обедать. Я каждую минуту вскакивал и смотрел на Ксеньку. Она всё время спала. Я удивлялся и трогал пальцем её щеку. Щека была мягкая, как сметана. Теперь, когда я рассмотрел её внимательно, я увидел, что у неё длинные тёмные ресницы...

И вечером мы стали её купать. Мы поставили на папин стол ванночку с пробкой и наносили целую толпу кастрюлек, наполненных холодной и горячей водой, а Ксения лежала в своём комодe и ожидала купания. Она, видно, волновалась, потому что она скрипела, как дверь, а папа, наоборот, всё время поддерживал её настроение, чтобы она не очень боялась. Папа ходил туда-сюда с водой и простынками, он снял с себя пиджак, засучил рукава и льстиво покрикивал на всю квартиру:

– А кто у нас лучше всех плавает? Кто лучше всех окунается и ныряет? Кто лучше всех пузыри пускает?

А у Ксеньки такое было лицо, что это она лучше всех окунается и ныряет, – действовала папина лесть. Но когда стали купать, у неё такой сделался испуганный вид, что вот, люди добрые, смотрите: родные отец и мать сейчас утопят дочку, и она пяткой поискала и нашла дно, оперлась и только тогда немного успокоилась, лицо стало чуть поровней, не такое несчастное, и она позволила себя поливать, но всё-таки ещё сомневалась, вдруг папа даст ей захлебнуться... И я тут вовремя подсунулся под мамин локоть и дал Ксеньке свой палец и, видно, угадал, сделал, что надо было, она за мой палец схватилась и совсем успокоилась. Так крепко и отчаянно ухватилась девчонка за мой палец, просто как утопающий за соломинку. И мне стало её жалко от этого, что она именно за меня держится, держится изо всех сил своими воробьиными пальчиками, и по этим пальцам чувствуется ясно, что это она мне одному доверяет свою драгоценную жизнь и что, честно говоря, всё это купание для неё мука, и ужас, и риск, и угроза, и надо спасаться: держаться за палец старшего, сильного и смелого брата. И когда я обо всём этом догадался, когда я понял наконец, как ей трудно, бедняге, и страшно, я сразу стал её любить.

Один раз я сидел, сидел и ни с того ни с сего вдруг такое надумал, что даже сам удивился. Я надумал, что вот как хорошо было бы, если бы всё вокруг на свете было устроено наоборот. Ну вот, например, чтобы дети были во всех делах главные и взрослые должны были бы их во всём, во всём слушаться. В общем, чтобы взрослые были как дети, а дети как взрослые. Вот это было бы замечательно, очень было бы интересно.

Во-первых, я представляю себе, как бы маме «понравилась» такая история, что я хожу и командую ею как хочу, да и папе небось тоже бы «понравилось», а о бабушке и говорить нечего. Что и говорить, я всё бы им припомнил! Например, вот мама сидела бы за обедом, а я бы ей сказал:

«Ты почему это завела моду без хлеба есть? Вот ещё новости! Ты погляди на себя в зеркало, на кого ты похожа? Вылитый Кощей! Ешь сейчас же, тебе говорят! – И она бы стала есть, опустив голову, а я бы только подавал команду: – Быстрее! Не держи за щекой! Опять задумалась? Всё решаешь мировые проблемы? Жуй как следует! И не раскачивайся на стуле!»

А тут вошёл бы папа после работы, и не успел бы он даже раздеться, а я бы уже закричал:

«Ага, явился! Вечно тебя надо ждать! Мой руки сейчас же! Как следует, как следует мой, нечего грязь размазывать. После тебя на полотенце страшно смотреть. Щёткой три и не жалея мыла. Ну-ка, покажи ногти! Это ужас, а не ногти. Это просто когти! Где ножницы? Не дёргайся! Ни с каким мясом я не режу, а стригу очень осторожно. Не хлюпай носом, ты не девчонка... Вот так. Теперь садись к столу».

Он бы сел и потихоньку сказал маме:

«Ну как поживаешь?»

А она бы сказала тоже тихонько:

«Ничего, спасибо!»

А я бы немедленно:

«Разговорчики за столом! Когда я ем, то глух и нем! Запомните это на всю жизнь. Золотое правило! Папа! Положи сейчас же газету, наказание ты моё!»

И они сидели бы у меня как шёлковые, а уж когда бы пришла бабушка, я бы прищурился, всплеснул руками и заголосил:

«Папа! Мама! Полюбуйтесь-ка на нашу бабуленьку! Каков вид! Грудь распахнута, шапка на затылке! Щёки красные, вся шея мокрая! Хороша, нечего сказать. Признавайся, опять в хоккеей гоняла! А это что за грязная палка? Ты зачем её в дом приволокла? Что? Это клюшка! Убери её сейчас же с моих глаз – на чёрный ход!»

Тут я бы прошёлся по комнате и сказал бы им всем троим:

«После обеда все садитесь за уроки, а я в кино пойду!»

Конечно, они бы сейчас же заныли и захныкали:

«И мы с тобой! И мы тоже хотим в кино!»

А я бы им:

«Нечего, нечего! Вчера ходили на день рождения, в воскресенье я вас в цирк водил! Ишь! Понравилось развлекаться каждый день. Дома сидите! Натё вам вот тридцать копеек на мороженое, и всё!»

Тогда бы бабушка взмолилась:

«Возьми хоть меня-то! Ведь каждый ребёнок может провести с собой одного взрослого бесплатно!»

Но я бы увильнул, я сказал бы:

«А на эту картину людям после семидесяти лет вход воспрещён. Сиди дома, гулёна!»

И я бы прошёлся мимо них, нарочно громко постукивая каблуками, как будто я не замечаю, что у них у всех глаза мокрые, и я бы стал одеваться, и долго вертелся бы перед зеркалом, и напевал бы, и они от этого ещё хуже бы

мучились, а я бы приоткрыл дверь на лестницу и сказал бы...

Но я не успел придумать, что бы я сказал, потому что в это время вошла мама, самая настоящая, живая, и сказала:

– Ты ещё сидишь. Ешь сейчас же, посмотри, на кого ты похож? Вылитый Кощей!

СОДЕРЖАНИЕ

Заколдованная буква
«Он живой и светится...»
Расскажите мне про Сингапур
Что я люблю
...И чего не люблю!
Тайное становится явным
Главные реки
Красный шарик в синем небе
Шляпа гроссмейстера
Друг детства
Ничего изменить нельзя
«Где это видано, где это слыхано...»
Рабочие дробят камень
Пожар во флигеле, или Подвиг во льдах.
Смерть шпиона Гадюкина
Подзорная труба
Двадцать лет под кроватью
«Тиха украинская ночь...»
Сестра моя Ксения
...Бы

Серия «Школьная библиотека»

Драгунский Виктор Юзефович

ГДЕ ЭТО ВИДАНО, ГДЕ ЭТО СЛЫХАНО...

Для среднего школьного возраста

Художник **Шер Аркадий Соломонович**

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.010822.06.10 от 30.06.2010
Подписано в печать 24.11.2010. Формат 60х90 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. п. л. 8.
Гарнитура «Таймс». Тираж 20 000 экз. Заказ № 5306.

Издательство «Самовар»

125047, Москва, ул. Александра Невского, д.1.

Информация о книгах на сайте www.knigi.ru

Оптовая продажа: ООО «Атберг 98»

(495) 925-51-39 www.atberg.aha.ru

Интернет-магазин: (495) 619-12-91 www.books-land.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных издательством материалов в ОАО «Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР»
170040, г. Тверь, проспект 50 лет Октября, 46.

ISBN 978-5-9781-0275-8

9 785978 102758 >

© В.Ю.Драгунский, наследники, текст.

© Издательство «Самовар»,

серийное оформление.

© РИО «Самовар 1990», иллюстрации.

ШКОЛЬНАЯ

БИБЛИОТЕКА

Серия рекомендована
Департаментом
общего среднего образования
Министерства
общего и профессионального образования
Российской Федерации

Художник
Аркадий Шер